

ПАВЕЛ ГУШИНЕЦ

ОБРЫВКИ

Павел Гушинец

Обрывки

«Четыре четверти»

2022

Гушинец П. В.

Обрывки / П. В. Гушинец — «Четыре четверти», 2022

ISBN 978-985-581-498-7

У каждого, кто всерьёз и надолго увлекался писательством, скопились в шкафах и тумбочках тетради и папки, наполненные незаконченными или едва начатыми произведениями. Рассказы, романы, повести. Возможно, они никогда не увидят своего читателя или, наоборот, дозрев на пыльных полках, словно хорошее вино, вынырнут из небытия в то самое время, когда будут особенно нужны. У меня собралось много таких папок, тетрадей и блокнотов, наполненных обрывками: абзацами, главами, героями, сценами. Новая книга – попытка упорядочить этот ворох, чтобы появилась возможность показать их читателю, не дать раствориться без следа. Прочтите – я надеюсь, что вам понравится.

ISBN 978-985-581-498-7

© Гушинец П. В., 2022
© Четыре четверти, 2022

Содержание

Предисловие	6
Обрывки	7
Путешествия	18
Учитель	21
Причина, по которой я стал детским писателем	23
Сонино детство	24
Соня и спорт	26
Первая любовь	28
Хотел ли папа мальчика	31
Может, лучше шахматы?	33
На вишне	34
За маму, за папу...	35
На тренировке	36
Колька Айболит	37
Байки детского писателя	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Павел Гушинец

Обрывки

© Гушинец П., 2022

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2022

* * *

Предисловие

То, что вы сейчас прочтёте, и не рассказы вовсе. Это так, обрывки какие-то. Иногда прилетит в голову шальная мысль, какой-нибудь образ. А ты не готов. Ты в кино с девушкой, за рулём в командировке или вовсе на годовом отчетном собрании перед учредителями компании. Запишешь торопливо мысль в блокнот или на том, что под руку попадётся. Думаешь, потом сделаю из этого рассказ. А через минуту настроение уходит, потому что девушка требует внимания, в командировке устал или учредитель поинтересовался, почему его любимый фармацевтический проект в вашем регионе притормозил. А обрывок повисает бесполезными кривыми строчками. И выбрасывать жалко, и применить некуда.

Они и обрывками называются именно потому, что пишутся не в чистых блокнотах, тетрадях и альбомах, а именно на обрывках. До чего дотянулась рука, на том и писал. На листке, вырванном из ежедневника коммерческого директора, на обратной стороне билета в кинотеатр, между строк рекламной листовки, на салфетке. Да что говорить, один раз оторвал от стены кусок обоев – на нём и записал. А дырку креслом прикрыл. Всё равно нужно было ремонт делать. В следующем году.

Копились у меня такие обрывки, кочевали из черновика в черновик. Наткнёшься на какой-нибудь, перечитаешь. Вроде бы и мысль интересная, а чувство пропало. Вздохнёшь и отложишь в сторону. На потом. Вот наступят выходные, пойду в отпуск, выйду на пенсию, тогда и...

А недавно я махнул рукой и решил для себя – все, ничего уже не будет. Я и не помню, в чем смысл некоторых обрывков. Не будет из них полноценных рассказов. А чтоб не висели они в пустоте, жалуясь друг другу на мою безалаберность, собрал я их в одном..., пусть будет в одном безумном очерке. Этакая каша из мыслей, образов, сцен. Порядка в них не больше, чем у меня в голове или в комнате у моей дочери.

Пусть будут. А то, честное слово, жалко выбрасывать.

Заранее прошу прощения, я в этих рассказах иногда буду материться. Совсем немножко, полдесятка слов, не больше. И это не потому, что я такой невоспитанный или плохой, а потому, что жизнь такая.

Было бы странно, если я рассказал бы так:

«Собрал полковник солдат на плацу и сказал:

– Уважаемые господа солдаты. У нас небольшие неприятности. Вчера лейб-гусары 3-го подразделения сержанты Иванов и Петров потеряли на полигоне БТР. Лично я и весь наш командный состав искренне огорчены».

Смешно, правда?

Всем понятно, что Иванов с Петровым БТР не потеряли, а «про...ли». С тремя восклицательными знаками. И солдаты вовсе не господа, и совсем не уважаемые вот лично этим товарищем полковником. И ещё этот самый полковник будет между слов вставлять для связи короткое, но ёмкое «б...». И без этого «б...» его речь будет неточной и неправильной. Литературной, красивой, но неправильной. А я же про жизнь пишу.

Обрывки

Едешь по минской кольцевой на работу. Зеваешь, поёживаешься, потому что сиденье после морозной ночи ещё не прогрелось, а ты торопился, рванул с места. И этот холод уже проник через тонкую ткань твоего красивого, но нефункционального пальто. А ещё боковые зеркала в инее. И в потоке полно таких, как ты, не выпавшихся и замерзших. Вы рычите друг на друга моторами, воняете выхлопами похуже скунсов. И все это стадо железных мамонтов едет за кормом.

И, как назло, по радио крутят какое-то... Короче, неинтересное крутят. И радиоведущие тоже сонные, их искусственные голоса вместо бодрости вгоняют в тоску. И ещё – ПОНЕДЕЛЬНИК. А вот это совсем триндец. Какой-нибудь понедельник, шестое ноября, восемь утра. То есть впереди – рабочий день, рабочая неделя, половина осени и вся зима. И зимних каникул не будет, потому что тебе уже 38 лет, и ты начальник отдела продаж в какой-нибудь фирме. Самая тоска, до пенсии ещё далеко, а каникул уже не будет. И понедельник. Но про понедельник я уже говорил.

И в таком чудесном настроении катишь по кольцевой. Впереди – джип навороченный, и ты думаешь: «Только бы не затормозил, а то бампер у него стоит, как вся твоя машина». А ещё всякие гонщики втискиваются в поток, пугая внезапным появлением откуда-то сбоку. А если пробка, то соседний ряд обязательно движется быстрее до того самого момента, пока ты в него не перестроишься. А обочечники вообще пролетают, не снижая скорости. А ты так не умеешь. Тебя родители плохо воспитывали. Не учили быть наглым.

И справа от тебя высоченная гора. Но это не Эверест и даже не Карпаты. Это – городская свалка. Огромная такая свалка двухмиллионного мегаполиса. Настоящий мусорный кряж. На ней крошечными игрушками выглядят могучие экскаваторы. Строишь на все это великолепие и думаешь:

– Ну ни фигя себе постарались минчане. Это ж надо было такую гору мусора собрать. Вот радость-то будет археологам лет через... много. Сейчас, если раскопают археологи какую-нибудь выгребную яму в древнем поселении, то что они там найдут? Несчастные осколки керамики, крошечную позеленевшую монетку, кости, тщательно обгрызенные и расколотые. И радуются каждой самой мелкой находке. А вот археологи будущего будут разгребать наш «культурный слой» экскаваторами. Ещё и перебирать начнут:

– Так, этот айфон у нас в музее уже есть. И этот телевизор тоже. А холодильников такой модели у нас уже сто штук.

И бараклом нашим будут завалены все музеи.

Еду я мимо этой огромной кучи мусора и вдруг вижу почти чудо. У подножия мусорного Эвереста – деревенька небедных людей, а посреди нее – церквушка. Маленькая, белая. И свет утреннего солнца падает так, что мусорная куча находится в тени, а церквушка светится белыми стенами, золочёным куполом и почти невидимым крестом. Мусорная куча грозно нависает над ней, но она где-то там, далеко, сзади, в темноте. Наглядная демонстрация победы света над тьмой.

И сразу как-то легче на душе становится. Вот бред же, а красиво. Только представляю, какие запахи в этой деревеньке небедных людей.

* * *

Кстати, насчёт мусора и холодильников. Сейчас у меня на кухне холодильник большой. Когда жил в общежитии медуниверситета – холодильник под столом в комнате помещался. Да и

что там было хранить? Полупустую банку солёного сала? Кастрюлю с засохшими остатками гречневой каши? Однажды, помню, разбогател, так пельмени лежали. Дня два. Потом разо- рился и заначку съел.

Пока кочевали с женой по съемным квартирам – каких только холодильников не насмот- релись. Помню, один ревел так, что соседи снизу приходили. Жаловались. А второй морозил так, что стоило положить в него на пару дней пачку масла, потом приходилось размораживать, чтоб освободить его из ледяного плена. Чувствовали себя то ли Каем, то ли Гердой. Склады- вали из осколков масла слово «Бесконечность».

А когда своя квартира появилась – тут уж мы пустились во все тяжкие и купили Холо- дильник. Здоровенный такой, тихий. Включили, торжественно открыли, полюбовались на свет лампочек. Закрыли. Положить в него было совершенно нечего, потому что все деньги на месяц вперёд безнадежно потратили.

К счастью, времена пустого холодильника прошли, но сейчас у нас другая беда. Готовим мы с женой по принципу, кто первый с работы пришёл, тот и начинает. Мне кажется, она иногда специально задерживается, или это у меня паранойя?

Короче, готовим каждый день. Много. Особенно я отличаюсь, потому что с работы при- хожу голодный. А когда я голодный, то себя не контролирую, могу на целую роту солдат нава- рить. А у меня в части не рота солдат, а две девочки. Пришли, носами покрутили, поклевали. И в наготовленной горе еды их деятельность едва заметна. А один я справиться не могу, и так уже под центнер вешу, пиджаки на животе не застёгиваются.

Еда осталась, значит – в кастрюльку, в контейнер и в холодильник. Потом съедим. А на завтра жена раньше приходит и тоже готовить начинает. И тоже немало, потому что у неё муж поесть любит. Любит, но не настолько же! И муж, как все нормальные люди, недавно произошёл от обезьяны. От обезьяны, дорогая, а не от бегемота!

Не доели. Поставили в холодильник. Новый археологический слой.

А в субботу с утра лень готовить, лезем вглубь веков, ищем, чего бы перекусить. О, плов! А когда я плов готовил? Юлька, ты плов не готовила? На этой неделе точно нет? Значит, лучше крышку контейнера не открывать. Я же военный эпидемиолог, должен препятствовать вторже- нию чужеродной культуры, которая захочет уничтожить человеческую цивилизацию. А выбра- сывать жалко. Пусть ещё постоит.

* * *

Стоял я как-то у светофора. Долгий такой светофор, минуты полторы красный горит, есть время подумать, послушать по радио целую песню, с женой поругаться, потому что опаздываем оба на работу, а светофор издевается.

А тут смотрю – весенний сквозняк кружит грязный белый пакет с логотипом известного гипермаркета. Поднимает его по спирали, бросает из стороны в сторону. Пакет, как живой, мечется, дергается, потом плавно идёт вниз, но сквозняк его не отпускает, бьет в бока резкими порывами, рвёт в стороны.

«О, красота по-американски», – подумал я.

В этом движении пакета действительно есть что-то завораживающее, хотя Рики Фиттс, конечно, псих, каких мало. Пакет покружился, поднялся на уровень третьего, седьмого этажа, постучался в окна надутого офисного центра. Его, понятное дело, не пустили, и он полетел дальше. Я уже и про светофор забыл.

А потом ветер изменился, и вся эта дрянь спикировала вниз. И прямо мне на лобовое стекло – хрясь! А я машину только вчера вечером помыл. А пакет грязный.

«С... а, – думаю. – Ну вот никакой эстетики в жизни!»

* * *

Мне постоянно дарят блокноты. И ежедневники тоже. Они валяются по всему дому, превращают бардачок машины в ... бардачок. В любой сумке покопайся – найдёшь блокнот. А ещё иногда блокноты заползают в карманы куртки. Лезешь в куртку за кошельком, чувствуя всем телом, что он, родной, там. Большой и набитый купюрами. А в кармане – блокнот. А кошелек ты дома забыл.

А вот когда в голову приходит мысль – блокноты разбегаются, как живые. И я, рыча, словно неандерталец, мечусь по квартире, машине, кабинету на работе. Ищу чистую белую поверхность, чтоб записать. Ну пусть не совсем чистую, пусть не белую. А, ладно, подойдёт и коммерческое предложение медицинскому центру, и обрывок домашней работы, исчерканный гневным детским протестом.

Сколько бы ни дарили, сколько бы ни возил с собой, всё равно буду записывать на каких-то обрывках. На куске обоев, на обратной стороне командировочного. Один раз я записывал на карте нападения на Польшу. Но про это немного позже.

Запишу, брошу куда-нибудь. Потом бегаю, ищу. Жена смотрит на меня и издевается, мол, никакого порядка ни в жизни, ни в работе, ни в творчестве. Она тоже немного пишет. Стройные ряды рифмованных строк в аккуратных блокнотиках или интернете. Всё чётко, ровно, по делу и с красивыми картинками. А я в хаосе. Мне так удобнее.

* * *

Приехал в Брест выступать в библиотеке. С этим городом у меня любовь взаимная, публика неизбалованная, не то что в столице. Поэтому собрался полный зал. Решили снимать для местного телевизионного канала.

Оператор долго ловил меня в свой аппарат, потом с лёгким раздражением в голосе говорит:

– Вы не волнуйтесь, стойте на месте. Не сходите с точки, а то не получится.

Легко ему советовать. А у меня при виде камеры и её стеклянного глаза какая-то паника началась. Я попытался зафиксироваться, уперся ногами в пол. Но всё равно волнуюсь. Ещё и руками размахиваю, как мельница.

– А можно руками не махать? – грустно спрашивает оператор.

Нельзя. Я руками «разговариваю» почти так же, как голосом. А когда волнуюсь – то в два раза больше жестикулирую. Испортил я ему все кадры.

Дальше тоже всё не по сценарию. Девушка с микрофоном мне вопросы задаёт, а я несу какую-то чушь, да ещё длинно так, витиевато. Она меня перебивает, чтоб не разглагольствовал, но я же волнуюсь, а когда волнуюсь, меня не остановить.

Кое-как отсняли материал. Я потом пересмотрел и расстроился немного.

Надо мне похудеть.

* * *

Сижу возле спортивного комплекса, жду потомство с тренировки. Ранняя осень, скамейка стоит возле канала с мутноватой городской водой. Вокруг старые каштаны, липы. Уже пахнет осенью, кружась, падают на зелёный газон первые жёлтые листья.

Неподалёку девчонка лет девяти достаёт из пакета кусочки чёрного хлеба, бросает их суетливым толстым голубям. Птицы собираются целым «стадом», толкают друг друга, тороп-

ливо заглатывают халявный корм. Рядом с девочкой парень чуть старше. Судя по схожим чертам лица – брат. Что-то говорит ей, потом отбирает пакет с хлебом, откусывает большой кусок, жуёт. Начинает кормить голубей сам. Девчонка возмущается, машет на него руками, губы кричатся, вот-вот заплачет. Мальчишка смотрит на неё насмешливо.

Девочка отходит расстроенная.

Всё-таки дочь я в правильный спорт отдал. Братья и одноклассники с ней вообще не спорят. Если что – Соня бровки сдвигает и сквозь зубы так: «Я тебе сейчас врежу». И ей сразу всё отдают. Потому что врежет.

* * *

Вышел ты рано утром из дома. Надо по какой-то необходимости: то ли в командировку едешь пораньше, то ли, наоборот, в отпуск, а значит, выдвигаешься в аэропорт или на вокзал. Все спят ещё. Во дворе и в скверах, окружающих твой дом, такая пронзительная тишина, которая бывает только самым ранним утром в большом городе. Пока ещё не проснулись люди, машины, трамваи. И скверы, и дворы проживают эти последние минуты тишины. А от того, что совсем скоро на них обрушится шквал неутраченного городского шума, эти минуты тишины ещё острее.

Шагаешь неспешно, думаешь о чём-то своём. На улице зябко, птицы чирикают на свой лад. Уже выползли собачники с питомцами. Это ж насколько надо любить живность, чтоб каждое утро просыпаться на час раньше, волочь упирающегося сонного кобеля на улицу и ждать, пока сделает все свои дела. А потом ловить по всей площадке, потому что он передумал идти домой.

Иду я вот таким тихим утром по скверу, а навстречу бодрой рысцой бежит мужчина моего возраста. Точно такой же, как и я. То есть под сорок, пузо намечается, одышка мучает. Но он бежит, старается, машет руками. Лицо красное, сосредоточенное. Пробежал мимо, обдав тёплой потной волной. А мне завидно стало и тревожно. У меня ведь тоже и вес лишний, и давление пошаливает, и спина ноет. Каждое утро обещаю себе, что пойду в бассейн, в тренажёрный зал, но пока занимаюсь только доступным всем родителям спортом. Сажу в коридоре, пока дочь тренируется.

Нет, ну я, конечно, ещё о-го-го! Мне бы немного вес сбросить, так вообще Ален Делон и Арнольд Шварценеггер в одном лице. Если втянуть живот, то я в джинсы влезу, которые до свадьбы носил. Вот только с каждым годом всё сильнее приходится втягивать. И джинсы трещат.

Иду, думаю о джинсах, и тут прямо тревожно мне стало. И завидно. Но прошёл ещё немножко и вижу на асфальте докуренный до фильтра бычок. Свежий, ещё дымится. А вокруг никого нет. То есть кроме меня, собачников и спортсмена. Но собачники далеко, я не курю. Значит, спортсмен курил только что. Вылез из тёплой квартиры, постоял, покурил, хмуро оглядывая сквер и проклиная обстоятельства, вынудившие его так рано выбраться на пробежку. А потом бросил окурочок под ноги и побежал. Пробежит метров сто – опять остановится покурить. А там, глядишь, два-три дня и лень ему будет выбираться из квартиры. Посмотрит на будильник и забудет на всё это дело.

И я тоже посмотрел на «бычок», представил картину падения спортсмена. И как-то легче стало на душе.

Какой я всё-таки противный.

* * *

Ехал в командировку по Брестской области. Где-то между Лунинцем и Столином понял, что сил моих больше нет. Устал, как собака. От аудиокниги уже тошнит, ещё, как назло, не проверил перед отъездом, книга попалась хорошая, но с исключительно занудным голосом диктора. Талдычит на одной ноте – у меня глаза закрываются. Выключил от греха подальше – ещё проснусь в кювете. Радио – не ловит. Тишина – давит. Ну как тишина – натужный рёв двигателя и шелест шин по асфальту. Какая уж тут тишина.

Смотрю – возле дороги дерево стоит. Страшное такое, корявое, сухое. И антураж вокруг соответствующий. Рыжая трава, сгнивший, покосившийся забор. Вот странно – ни дома, ни сарая рядом нет, а забор есть. Зачем он здесь, возле дороги, в почти пустом поле? Я не ботаник, не разобрал – то ли осина, то ли дуб. Главное, что не ёлка, это я точно понял.

Дерево жуткое. В изломанных природой ветках – заброшенное гнездо, там же – несколько погибших омел. Паразиты жили вместе с осиной-дубом и погибли вместе с ним. Очень символично.

Остановился. Вышел из машины, сел под деревом. Вот теперь тишина. Слышно, как ветер колышет сухие травинки. И ствол чуть-чуть поскрипывает. Жутковато. Ещё и забор этот гнилой. Я разумом понимаю, что это мирные остатки какой-то сельскохозяйственной ограды, чтоб снег с поля не уносило, но весь мой опыт просмотра ужастиков подсказывает, что где-то неподалёку то ли оборотни, то ли мутанты-людоеды, то ли девочка из колодца.

Над головой каркнули и заскребли когтями по сухой коре. Я вскочил и пошёл к машине, сам перед собой стыдясь и стараясь не ускорять шаг. Рванул с места так, что шины взвизгнули. Минут двадцать после этого спать не хотелось. У писательской фантазии есть свои минусы. Иногда она мешает жить.

Но спать действительно перехотелось.

* * *

Чуть позже, в командировке по Гомельской области снова почувствовал нереальность происходящего.

Промозглое серое утро ранней весны. Зеваю, монотонная дорога усыпляет. Понял, что не выдержу сейчас. Глаза закроются, машина на скорости сто двадцать километров в час уйдёт с дороги и – прощайте потомки. Остановился.

Выбрался из тёплого нутра машины под злой мокрый ветер. Проснулся мгновенно. Вокруг поля, покрытые коричнево-жёлтой травой и кое-где ещё грязно-белыми кляксами снега. Метрах в ста от дороги, прямо в поле – старый бревенчатый дом. Перекошенный весь, крыша кривая, стена кривая, единственное видное мне окно – тоже кривое. Как в детском стихотворении.

До ближайшей деревни не меньше десяти километров. Гораздо ближе огромное сельское кладбище. Оно виднеется в стороне, тоже посреди поля, укрытое от непогоды сизыми безлистыми кронами деревьев. Показалось, что дом вслед за своим хозяином покинул деревню и тихонько ползёт к кладбищу. Поэтому и косою весь, что движется.

Пригляделся. На верёвке у стены колышутся несколько светлых тряпок. Неужели живёт кто-то?

Говорите, у вас горячую воду летом на две недели отключают?

* * *

В детстве я очень любил Новый год. Можно не спать всю ночь, смотреть со взрослыми телевизор, слушать их разговоры за столом.

А ещё Новый год – это обязательно Ёлка. И мама достаёт из-за пианино кожаный саквояж, который пахнет одновременно кожей и праздником. Саквояж коричневый, а внутри, я знаю, он клетчатый, словно шотландский килт. И сверху лежит ком серебристого дождика, который в прошлом году небрежно бросили внутрь, а теперь попробуй распутать. Поднимаешь этот шелестящий ком, а под ним – сокровища. Стекланный джинн с длинной седой бородой из поролона. Стекланные же хрупкие сосульки. Шары. Один из них мой самый любимый, красный с белым, словно посыпанный сверху снегом. Жутковатая пластмассовая парочка – дед Мороз и Снегурка. У Снегурки от старости стёрто нарисованное лицо, дед сохранил один глаз и вообще выглядит бодрее внучки.

Мы наряжаем с мамой ёлку. В гости приходят бабушка и сестра. Взрослые пьют чай, а мы с Ольгой валяемся на ковре, уже усыпанном колючими иголками. Любуемся только что наряженным символом Нового года. В комнате пахнет ёлкой и праздником.

* * *

Первую свою книжную выставку-ярмарку я отсидел в смущении. Ко мне подходили, рассматривали книги, что-то спрашивали. Ангелы-хранители от издательства подбадривали меня, но в целом все прошло довольно странно. Утешало только то, что у соседнего стенда сидела девушка, написавшая что-то из любовной лирики, и смущалась больше меня.

Ко второй выставке через год я заматерел. Первая детская книга имела успех, три сборника медицинских рассказов расходились по интернету. «Война девочки Саши» завершена и в печати.

Стоял с «Крокодилом», хохмил, зазывал проходящих мимо детей и их родителей. В общем, вёл себя как ярмарочный шут. И было мне от этого весело и забавно. Люди подходили, у детей при виде книги загорались глаза. Кто-то даже просил автограф и фотографировался со мной.

Забавлялся я долго. Но через три часа к стенду подошёл маститый художник с толпой поклонников, и меня попросили освободить место. Я мигом собрал вещички и отошёл. А когда обернулся – кольнула зависть. Художника штурмовали со всех сторон, а он стоял гордый и снисходительный.

На стенде, возле буфета, Дмитрий Юртаев читает свои стихи. И вокруг него тоже толпа. Люди смеются, дети так прямо хохочут. А Дмитрий – рыжее воплощение детства, раздаёт автографы.

Иду к выходу, а там толпа, ожидающая известную писательницу. Толпа плотная, не пробиться. Люди стоят уже больше часа, ждут Автора. Я тогда себе пообещал, что на встречах со мной такие же толпы собираться будут. Если не такие, как у известной, то хотя бы такие, как у художника.

Снедаемый завистью, спускаюсь в гардероб, а на детской площадке Надея Яминска общается с тремя-четырьмя ребяташками. Хорошо ей и спокойно с такой маленькой аудиторией. И вполне она счастлива.

У меня вся зависть и прошла.

* * *

Кстати, о зависти. Это не такое уж и плохое чувство, если его использовать в мирных целях. Я и писателем стал из зависти.

В 1993-м году учился я в школе, был обычным трудноватым подростком в дырявых носках и застиранном свитере. Тогда все такие были, за малым исключением. Интересовался спортом, в основном теми видами, где кого-то били. Слушал на хрипящем магнитофоне зажёванные-пережёванные кассеты западных и отечественных рокеров. У меня сбивалось дыхание, когда симпатичная одноклассница проходила мимо, и я нарочито вел себя грубо и вызывающе. Вспомнить страшно. Всё-таки взрослым быть лучше.

А ещё я читал. Читал запоем всё подряд. Фантастику, детективы, классику. Однажды ехал в электричке, на столе валялся забытый кем-то справочник ветеринара. Пока ехали – я его два раза прочёл. Теперь знаю, что такое мастит у тельной коровы.

Так вот в эти смутные годы пришёл я как-то в школу и увидел одноклассника Пашку Сикорского, который что-то тайком писал в толстой тетрадке. Мы его ещё из-за фамилии подкалывали всё время. Мол, когда ты, Сикорский, вертолет, наконец, изобретёшь? А он даже не отшучивался. Наверное, изобретал.

– Здорово, – говорю.

– Привет, – бурчит Сикорский.

А сам от меня рукой тетрадь загораживает. Но так ведь, подлец, это делает, чтоб мне ещё интереснее стало.

– Что пишешь?

– Ничего.

И снова отгораживается. А я же вижу, что ему до смерти хочется похвастаться, хочется, чтоб я ещё у него что-то спросил, а он будет отворачиваться, отвечать неохотно, а потом я его как будто уломаю, и он откроет мне свою страшную тайну.

Ладно, поиграем.

– Да покажи ты!

– Отстань!

– Ну и не надо.

Я демонстративно сажусь за соседнюю парту, отворачиваюсь. Через минуту Пашка не выдерживает:

– Ну ладно. Смотри.

Смотрю.

– Ну и что это?

– Фантастический рассказ. Я рассказы пишу.

И вот тут мне стало завидно. Читать я очень любил, особенно всякую фантастику, которая тогда хлынула на полки книжных магазинов нескончаемым потоком. Лем, Стругацкие, Нортон, Пратчетт. Я читал запоем, часто не высыпаясь из-за какой-нибудь особенно интересной истории. Фантазировал, как мог бы поступить тот или иной герой, чтоб все ещё лучше получилось. Но написать что-то самому и в голову не приходило. А тут...

Математик Сикорский, который литературу терпеть не может и видит её в каких-то сухих и неинтересных справочниках. Мы и сели с ним когда-то за одну парту из чисто прагматических целей. Списывали друг у друга. Он у меня гуманитарные предметы, я у него всякие алгебры-физики. Сикорский и вдруг фантастика.

После уроков я пришёл домой, достал с полки толстую тетрадь в клеточку (96 листов, серая обложка). Открыл первую страницу, на минуту задумался, а потом решительно и крупно вывел: «Рой космических микробов летел со скоростью, близкой к скорости света...» Я сразу

замахнулся на огромный фантастический роман-эпопею. С десятками главных героев, переплетёнными судьбами государств и планет, гибнущими Галактиками и межрасовыми войнами. Даже название было громкое и пафосное: «Аклитийское королевство». Труд был настолько титанический, что я так до сих пор его и не закончил. Лет десять назад забросил окончательно. Пусть останется памятником моих начинаний. Зато стал писать что-то более мелкое и компактное.

Через год, в пионерском лагере, я начал серию рассказов про вампиров. Чушь полнейшая. Читал пацанам вечером перед сном. Ржали. Им нравилось. Но критики из тринадцатилетних подростков так себе. Поэтому и эти рассказы я уничтожил.

В тот же «лагерный» сборник вошло несколько фантастических историй, которые показались мне не совсем безнадёжными. Смотрел я на них, смотрел, и однажды набрался наглости, принёс весь этот мусор главному редактору городской газеты «Химик» Леонтию Петровичу Невдаху. Спасибо ему большое, он тогда не посмеялся над наивными попытками стриженного подростка, наоборот, похвалил. А уже потом, когда школьник вышел за дверь, наверное, вволю посмеялся.

Выбрал один из рассказов, пообтесал его и поместил в газете. Это был триумф! Газету лучше не ищите, надеюсь, она сгорела в потоке времени, потому что сейчас мне за свой первый опубликованный рассказ очень стыдно.

Но тогда я ходил по городу с гордым, торжествующим видом. На мутноватой фотографии дешёвого газетного листа меня с трудом можно было узнать, но я был уверен, что каждый встречный оборачивается, когда я прохожу мимо. Я искренне недоумевал, почему ко мне не бегут толпы за автографами.

Недели через две я понял, что ожидания напрасны. И первый опубликованный рассказ не прибавил мне ни популярности, ни славы. И даже симпатичная Ирка из параллельного класса не обратила на меня внимания. А я так рассчитывал на эту публикацию.

Впрочем, кое-кто заметил. Через месяц учительница русского языка, она же наша классная дама, подписала меня на какой-то позорящий конкурс от школы.

– Ты же пишущий парень, – она строго посмотрела на меня сквозь очки. – Вот и прочтёшь отрывок из произведения более известного автора.

Позор выступления со сцены с отрывком классика я пережил. А писать, неожиданно для себя, не бросил. Паша Сикорский давно инженер, сухой, прагматичный и далёкий от литературы человек.

А я пишу, до сих пор пишу. В прошлом году отметил четверть века своей писательской деятельности.

* * *

Жена моя скептически относится ко всей этой суете. Говорит, что такую чепуху, которую я пишу, она сама не читает. А все мои истории она уже сто раз слышала на всяких посиделках. Она лингвист, переводчик, читает толстые книги авторов с испанскими именами. Ей можно.

Однажды только глянула на меня удивлённо. В каком-то магазине покупали мы стандартный вечерний набор семьи. Я имею в виду не шампанское-шоколадки, а молоко, кусок мяса на плов, макароны, пару кило картошки. Ну, и так уж и быть, шоколадку ноющему потомку. Стоим все такие красивые с этой картошкой на кассе.

И тут подходит ко мне незнакомая девушка:

– Вы же Павел Гушинец? Ну, который в интернете пишет?

– Я, – говорю. А сам борюсь с картошкой, чтоб она из пакета не вываливалась и ленту перед кассой не пачкала. Картошка сопротивляется и пачкает в ответ мне рукава пальто.

– А мы с вами в медуниверситете учились, – продолжает девушка. – Только я на несколько курсов младше. Читаю все ваши рассказы – очень нравится.

Выходим из магазина. Жена косится на меня.

– Ну ладно.

– Что ладно? – решил уточнить я.

– Вот сейчас я почувствовала, что живу со знаменитостью.

– А вот! – я гордо расправил плечи, ощутив себя одновременно Хемингуэем и Джонни Деппом.

Но тут пакет у меня всё-таки порвался, и картошка рассыпалась по асфальту.

– А нечего! – погрозил кто-то с небес.

* * *

Остатки гордости добил следующий случай. У меня в интернете была в авторской группе аватарка с карикатурным доктором. Так вот я эту аватарку распечатал на майку, ник подписал. Очень креативно получилось. Оригинальная майка, ни у кого такой нет. И с историей. Как-то в субботу пошли мы с семьёй в парк гулять. Нацепил я майку, предвкушая, как будут попадаться читатели, узнавать меня по этой майке и фотографироваться. Может, какие-нибудь симпатичные девушки подойдут, попросят автограф.

Выходим из машины, и тут же идущий навстречу парень расплывается в ухмылке.

– О, клёвая майка!

Я раздуваюсь от гордости. А он, паразит, подходит к моей дочери, протягивает ей руку.

– Здорово, боец!

И идёт дальше.

У Соньки был панковско-спортивный период. Она нацепила чёрную майку с логотипом своего клуба «Кик-файтер» и дефилирует в ней. Забавно смотрится. Хрупкая семилетняя девочка в майке бойцовского клуба.

Гуляли мы целый день. На мою майку никто не обращал внимания. Не было толп поклонников, симпатичных девушек, автографов.

Ну и ладно, ну и всё. Сами захотите, а потом поздно будет.

* * *

Когда-то давно я целый год отучился в музыкальной школе. Пытал учительницу неуклюжими гаммами на стареньком пианино. Она морщилась, но терпела, была подругой и коллегой моей мамы. Которая тогда очень мудро поступила, что не стала меня учить сама. Я как-то попробовал обучить дочь простенькой песенке – чуть инструмент не разбил в процессе. При этом дочь явно талантливее меня в музыкальном плане. Если бы мама взялась меня учить, то она разбила бы не инструмент, а меня.

Чудом выжил.

Но история не про музыку. Рядом с кабинетом, где я терзал пианино, на шкафчике стояла старая пишущая машинка. Тысячу лет назад на ней печатали какие-то документы, потом забросили и оставили покрываться пылью на полке. Сбоку на этой реликвии выцветшей белой краской вывели инвентарный номер, поэтому выбросить не могли. Поставили на шкафчик и забыли до следующей инвентаризации.

Точнее, отдали на растерзание малолетним хулиганам.

Я помню, как подкрадывался к этой машинке. Замирая от страха, нажимал клавишу. Откуда-то из недр аппарата выскакивала блестящая металлическая ножка с буквой и на тёмном резиновом валике отпечатывалась бледная, почти невидимая буква. Впрочем, скоро этих букв

стало так много, что рассмотреть среди них новую уже не представлялось возможным. Валик весь был покрыт узором таких вот бледных отпечатков. Иногда они складывались в слоги и даже какие-то слова. Но сверху печатали новые буквы, они покрывали таинственные письмена. Смысл и значение терялись.

Но я знал, если чуть-чуть подкрутить валик, откуда-то с задней его части выползало резкое и ёмкое слово «Х..», напечатанное многократно, и от этого буквы его были чётки и толсты.

Кто-то раз за разом прокручивал валик и обновлял надпись, вбивая её в резиновое сердце, пока она не въелась в самую душу машины.

Грамотные были дети в моей музыкальной школе. Невоспитанные, но грамотные.

А в школе я так и не доучился. Через год заявил матери, что ухожу из мира музыки, потому что терпеть не могу пианино. Мать у меня была профессиональным музыкантом, о моих способностях знала, поэтому возражать не стала.

За что ей огромное спасибо.

* * *

Если кто-то из читателей когда-нибудь пробовал писать, он прекрасно меня поймёт. Нестерпимый зуд, потребность немедленно записать впечатление, сцену, мысль нападает часто в самых неподходящих местах, в самое неподходящее время. И записать надо немедленно, сию же секунду, пока мысль не ушла, сценка не забылась, муза не улетела. Вот и хватаешь первое, что под руку попадётся.

Особенно удачны в этом отношении тихие вечерние часы, когда ты уже почти засыпаешь в постели, жена давно посапывает (или похрапывает). И ты уже почти видишь первый хрупкий, дрожащий сон. Что-то такое зыбкое, непонятное, туманное. И тут внезапно прилетает МЫСЛЬ! И всё! Сон исчезает испуганный. А ты начинаешь ворочаться в муках. Потому что зудит мысль эту записать, немедленно зафиксировать, может быть, развить. Но ты же уже лёг. И под одеялом хорошо, и первая дремота подступила. А надо идти на кухню босыми ногами по холодной плитке, включать резкий ночной свет, а он будет бить по глазам, и будет почти больно. И ручку надо искать, и блокнот какой-нибудь или тетрадь. А мысль не то чтобы гениальная. Да и вовсе так себе мыслишка. Даже если и хорошая, то ничего из неё не получится. Будет валяться до пенсии, а там в мемуары в лучшем случае попадёт.

И тебе лень.

Потому что одеяло тёплое, жена уютно сопит, а если встанешь, можешь её разбудить. И сам почти заснул. Мечешься минут десять, и кажутся они тебе вечностью. Потом встаёшь под недовольное ворчание разбуженной жены. Идёшь на кухню искать блокнот. Или, наоборот, засыпаешь в твёрдой уверенности, что завтра утром обязательно вспомнишь и запишешь. Не вспомнишь и не запишешь! Или с утра на трезвую голову мысль покажется таким бредом, что и записывать стыдно.

Но если уж встал, потянулся к прикроватному светильничку, то начинаешь ползать сначала в поисках ручки, карандаша, да хоть фломастера. И ведь ещё вечером дитяtko разбросало по всей квартире свои фломастеры. Они попадались под ноги и раза три ты чуть не растянулся на полу. Ругался ещё. А где они теперь эти фломастеры? Ты бы с радостью отыскал хоть один на полу. Хоть жёлтый, хоть оранжевый. Ладно, заметил в горшке с цветком полуживой стержень от шариковой ручки. Средство труда! Начинаешь искать бумагу. А вот тут бывают совершенно разные варианты.

Лично мне приходилось записывать на куске оторванных обоев (получил потом с утра от жены, потому что ремонт был, а кусочек я отхватил от уже отмеренного рулона). На обратной стороне командировочного. Ну пришла мысль в командировке, в гостинице. А ничего другого

под рукой не оказалось. Всевозможные чеки и салфетки. Обратная сторона визитки. Моя стопка визиток, перетянутая резинкой – уже почти блокнот сумасшедшего писателя.

А один раз я записывал на обратной стороне карты. Это была не просто карта, а целый план нападения на Польшу. Я тогда постигал какую-то медицинскую премудрость на военной кафедре. А на складе этой самой кафедры ещё с советских времён тоннами хранились квадратики польской территории. На занятиях мы эти квадратики склеивали, рисовали красные и синие стрелочки, прямоугольники частей и госпиталей. Короче, играли в войнушку. При Союзе этих карт для нужд военных специалистов напечатали десятки тонн. Во все концы страны шли огромные эшелоны, забитые кусочками польской территории. Я представляю, как удивлялись киргизские или туркменские лейтенанты, рисуя синие и красные стрелочки к сельским пунктам Папроць-Дуже или Высоке-Мазовецке. Страны нет уже тридцать лет, а карты остались. Их было столько, что, наверное, моим внукам хватит, если они сойдут с ума и пойдут по следам дедушки.

Преподаватели нашей кафедры тоже играли в войнушку, поэтому относились к процессу рисования очень серьёзно. Чтоб получить наши едва склеенные обрывки польской территории, приходилось с документами идти в «секретный» отдел и у суровой тётенки получать необходимую «секретку». Причём правом получения этих карт обладал только наш староста. У него был какой-то там третий уровень допуска.

И вот однажды в процессе нападения на эту самую многострадальную Польшу меня прихватило. Писал я тогда что-то фэнтезийное, с принцессами, гномами и драконами. Эльфийки в коротких доспехах взмахивали волшебными палочками, единороги с развевающимися гривами скакали через изумрудные луга. А тут серьёзные люди, офицеры. Синие и красные стрелочки. На изумрудных лугах – развёртывание омедбр (отдельная медицинская бригада) и военно-полевых госпиталей. Кривые окопов, танки, флажки. Коллеги склонились над картами, что-то вполголоса обсуждают, чертят. Слова бросают, как заклинания: обрхбз, дшб и так далее. Чистые орки. А я со своими принцессами шарю по столу в поисках хоть какого-нибудь блокнотика, потому что придумал, какую ловушку установили гномы для моего главного героя. Блокнотик не нашёл, зато цапнул со стола кусочек района. Полдюжата деревень, какие-то леса, половина небольшого озера. Затаился в уголке и принялся на этом кусочке описывать своих гномов. И от того, что коллеги в погонах могут заметить и высмеять моё легкомысленное увлечение, вдохновение так и фонтанирует.

Никто не заметил. А рассказ неплохой получился.

* * *

Вернемся к фломастерам. Когда Софья подросла немного, то принялась увлечённо «художествовать». А рисунки и то, чем рисуют, разбрасывать по всей квартире. Мы тогда жили в крохотной однушке. И вы не представляете, какой хаос может создать на тридцати квадратных метрах рассыпанная коробка карандашей. Это как противотанковые ежи для бронированных гадов Гудериана.

Жена на Соню ворчала, а я был даже благодарен своему бесхозьяйственному ребёнку. Придёт в голову очередная мысль – не надо искать ручку или карандаш. Пошарил под кроватью – обязательно что-нибудь нашёл. Плохо только то, что некоторые рассказы написаны розовым цветом.

А насчёт ночных идей я тоже выкрутился. Как-то на работу привезли ручки. Не простые ручки, а с крошечным фонариком для лоров. Мол, и записать можно, и в горло пациенту посветить. Так я одну ручку умыкнул. Положил под подушку вместе с блокнотиком. Теперь записываю мысли без отрыва от тёплого одеяла и сопящей жены.

Всем рекомендую.

Путешествия

Гугл-карт раньше не было. И навигаторов, приятным женским голосом оповещавших: «Через три километра поверните на 90 градусов вниз» тоже не было. Были карты и атласы. У дедушки моего лежал на полке «Атлас автомобильных дорог СССР». Можно было взять, открыть где-нибудь посередине и неспешно вести пальцем вдоль трассы от Ростова-на-Дону в Ташкент. И представлять, что не пальцем ведёшь, а едешь на огромном грузовике, а в кузове у тебя ну о-очень важные грузы. И тебя ждут. А вдоль дороги стоят люди и машут тебе. Или не машут. Главное, ведь, не люди, а дорога.

А ещё на полке стоял огромный пыльный «Атлас мира». А в атласе – действительно весь мир. Карты, фотографии достопримечательностей, краткие статьи. Для эпохи, когда не было интернета – настоящее сокровище. В детстве я любил забраться на табуретку, достать этот атлас, открыть его на какой-нибудь Гвинее-Бисау и читать названия городов, рек и особенно небольших посёлков. Мне казалось, что я говорю на языке той страны, города которой рассматривал.

* * *

Понятно, что с детства я хотел путешествовать. Лет в пять, помню, иду из детского сада с мамой привычным знакомым маршрутом, а в голове одна мысль:

«А что будет, если сейчас свернуть не направо к нашему подъезду, а налево. Там же всё по-другому, иначе. Там какой-то неизведанный, непонятный, чужой мир».

И я тянулся налево, в серую щель между высотками. Но мама крепко держала меня за руку, и дерзкая экспедиция пока откладывалась.

В первом классе я оторвался. Сходил и налево, и через забор в чужой детский сад. И даже через полгорода на автобусе в кафе «Морозко» добрался. Вылазки становились всё смелее, я заходил всё дальше. Пока однажды автобус не высадил меня на самой окраине нашего городка. Дальше начинался лес, за которым, как я потом узнал, стоял кормилец города – огромный нефтехимический завод.

Но тогда-то я об этом не догадывался. Стоял, смотрел на лес. Что-то там себе думал. Какие-то мысли крутились в детской голове. Наверное, так ощущал себя путешественник, добравшийся до окраины Плоского Мира. Сидел на краю, свесив ноги в космическую бездну, болтал этими самыми ногами, а внизу степенно ворочалась бы черепаха или кит, но это уже не важно.

Я себя точно так же чувствовал. Это был край мира. Моего мира. Постоял немного, потом приехал следующий автобус, и я отправился на нём домой.

Лет в десять я совершил два грандиозных путешествия. Мама свозила меня к своей тётке в Ригу и к бабушке в Уфу. Я познал Восток и Запад. Запад оценил больше. Узкие рижские улочки, булыжная мостовая центра, средневековая ратуша. Мороженое в старинном кафе, где на кафельной плитке сохранились императорские вензеля. Всё это показалось более сказочным, чем уфимские пятиэтажки спального района.

Лет в одиннадцать я поехал в лагерь. Бабушка выбила путёвку в Крым. Тогда Союз ещё только развалился, но связи оставались. И мама дала мне с собой три валюты. Украинские карбованцы, белорусские зайцы и, как универсальную валюту – советские рубли. Они тогда везде ходили.

Поражаюсь сейчас храбрости своих родителей. Привычная страна вдребезги. Лагерь – на территории суверенной Украины. Между нами границы, везде бардак, а они так легко меня отпустили. Я бы сейчас свою дочь не отважился отправить.

Ну и ладно. Зато я впервые увидел море. И понял, что оно – это самое лучшее, что есть на свете.

Потом я ещё немного поездил. В старших классах мы выбрались в областной центр. Гуляли по проспекту, казались себе офигенно взрослыми, пили пиво в сквере. Полтора часа на электричке – это вам не шутки. Затем – турпоходы по рекам и озёрам района. Наконец – поступление и столица. Я тогда из дома уехал – и всё. Началось моё самое большое путешествие.

* * *

На первом курсе мы отчаянной до глупости студенческой толпой решили отметить Новый год на Красной площади в Москве. Взять, сорваться, рвануть пробками шампанского в полночь, под бой кремлёвских курантов, погулять по заснеженным улицам и утром вернуться обратно. Собиралось человек двадцать, поехали вдвоём. Но это было предсказуемо. В Москве нам в принципе понравилось. Были и куранты, и Красная площадь, и заснеженные улицы. Улыбающиеся сикхи в фиолетовых тюрбанах, с которыми мы фотографировались, какие-то строгие шведы в пальто, радостные таджики, казахи, туркмены. А ещё толпа гопников, избивающая в переходах одиноких узбеков и кавказцев. И равнодушные москвичи, отворачивающиеся от этой жестокости.

Я тогда пытался писать стихи. Они были по-юношески корявые, мне сейчас за них стыдно. После Москвы я приехал домой и наваял что-то вроде:

...И эхо равнодушно разносит по ночам:
Россия – для русских, Москва – москвичам.

Дальше застрял. Отложил до лучших времён и вдохновения. Так и лежит где-то.

* * *

Когда мы с женой познакомились – начались наши совместные путешествия. Мы и познакомились-то в дороге. Я собирался в Питер на выходные погулять. Ехал в автобусе за сумкой в общежитие. Увидел её. И все выходные не любовался красотами северной столицы, а думал о красотах встреченной девушки. Ну, про это отдельный рассказ есть.

Потом была поездка с будущим тестем в Крым. Опять Москва и Питер, уже в паре с Юлькой. На второй день свадьбы мы улетели в Румынию. И это была моя первая самая настоящая граница.

Кислые вина «Мурфатлар» и «Judvey» в пластиковых стаканчиках. Мутноватое румынское море, запах водорослей, серые ежи волнорезов. Разочарование от того, что колонны греческого храма в Констанце не белые, как на картинках учебника истории, а серые, из местного камня. Толпы цыган, разнообразные «Дачи», жёлтые светофоры.

Первые дни и ночи только вдвоём. У нас была настоящая истерика от того, что мы теперь навсегда вместе. Навсегда. Хорошее слово.

Надо ещё раз поехать, обновить впечатления.

* * *

А недавно прилетел я на Кубу. Стоял по колено в тёплом океане, смотрел вдаль. Разумом понимал, что сейчас почти в Южной Америке. Что это, наверное, самая дальняя точка от моего

дома, от моего дивана. А чувство не приходило. То самое чувство, когда я заехал на автобусе на последнюю остановку в своём родном городке, стоял и смотрел на лес. И не лес там был, а край моего мира. И космическая бездна под ногами.

Не вернуть того чувства. А жаль.

Учитель

Учитель всё-таки очень важная профессия. Он во многом формирует будущую личность, развивает основы, которые заложили родители. Или ломает их. И ученик становится тем, кого из него делает учитель. Или наоборот, вопреки ему.

Я, например, писателем стал, скорее, вопреки. Потому что русскую литературу и язык в школе терпеть не мог. Вот биология, география, физкультура – это моё. История – вообще космос. А литература – ужасно скучно. При этом я обожал читать. Всё, что попало, только не писателей из школьной программы. Мучаясь, я читал Толстого, Бунина, Достоевского. Мне было совсем не интересно. Страдания Наташи Ростовской, смерть князя Болконского, самоубийство Раскольникова. Я искренне не понимал, кому всё это надо? Чем так велики эти авторы, ведь есть же Берроуз, Роберт Говард, Роберт Асприн, Терри Пратчетт в конце концов.

Я уже рассказывал, как в младших классах в моём дневнике появилась весёлая запись учителя: «Читал на уроке чтения». Именно потому, что мне было неинтересно следить за бурной жизнью условного Филиппка, а на перемене я взял в школьной библиотеке «Остров сокровищ» Стивенсона.

Тенденция продолжилась и в старших классах. Какая Наташа Ростова? Какой Евгений Онегин? У меня на «камчатке» Люк Скайуокер только что узнал, что великий ситх Дарт Вейдер – это его отец Энакин Скайуокер. Вот где драма! Вот где загадка! Вот где экспрессия! Появился бы этот Дарт Вейдер посреди поля Аустерлица, то-то было бы шума!

Наша классная дама, по совместительству преподаватель русского языка и литературы, кривилась каждый раз, когда читала мои диктанты и сочинения. Контрольные тетради возвращались исчерканные красными чернилами с едва шатающимися от слабости «тройками». Правила русского языка вы зубрили от корки до корки, но применить их в жизни у меня никак не получалось. Я увлекался, когда писал. И забывал, в каких случаях «не» с глаголами пишется раздельно, а в каких слитно, какими запятыми выделяется причастный оборот и что одежду надо НАдевать.

Поэтому за сочинения и диктанты я получал свою законную «тройку» и радовался, что не два балла.

Когда в газете напечатали мой первый рассказ, классная дама сказала что-то вроде: «Сначала научился бы грамотно писать, потом сочинял бы». Естественно, это не прибавило любви к русскому языку. Юные писатели в 14 лет считают себя непризнанными гениями и очень плохо относятся к критике. Честно говоря, и сорокалетние тоже.

А в десятом классе произошло неслыханное. Во-первых, в наш класс пришла новая учительница русского. Она была молода, красива и говорила понятным современным языком. А во-вторых, по русской литературе мы начали проходить Булгакова. На первом же уроке нам задали несколько глав из «Мастера и Маргариты». Помню, как взял в библиотеке эту книгу, вечером сел в кресло, борясь с собой, открыл первую страницу, ожидая очередной час борьбы со скучным классическим текстом. И... очнулся часов в двенадцать ночи. Какие две главы, я махом проглотил почти полкниги. Мистика, обнажёнка, рука с трупными пятнами, открывающая форточку, Понтий Пилат в плаще с кровавым подбоем. Коротко выражаясь – я офигел.

Прибежал утром в класс и начал рассказывать приятелям. Те посмотрели на меня, как на идиота. Им было скучно. Несмотря на образ Иешуа, несмотря на грозную фигуру изуродованного Марка Крысобоя.

На уроке литературы я вскинул руку почти в римском приветствии. И выдал всё, что думаю о прочитанном. Учительница улыбнулась. Она поняла, что Булгаков меня не на шутку зацепил.

С тех пор я полюбил русский. Грамотность по-прежнему прихрамывала. Да, буду честен, я и сейчас задумываюсь, как правильно писать – тся или – ться. Но литературу полюбил. И писать полюбил.

Отныне за сочинения я получал отличные оценки за фантазию. На их фоне неизменная «троечка» за грамотность уже казалась не столь жалкой. Новая учительница выслушивала любые, даже самые бредовые идеи и никогда над ними не смеялась.

А ведь это очень важно, когда над твоими идеями не смеются. Что в 14, что в 40 лет.

Причина, по которой я стал детским писателем

Сонино детство

В 2010 году произошло событие, которое коренным образом изменило мою жизнь. Не то чтобы оно стало таким уж неожиданным, девятимесячные изменения в фигуре жены трудно было не заметить. Но как-то не так я себе всё это представлял. Если честно – совсем никак не представлял.

Ну, растёт живот у любимой, что-то там такое изнутри толкается, типа чужого из знаменитого фильма. То проползёт под кожей бугорок, то высунется локоть. Крутится, беспокоит. Посреди ночи может начать буйнить. Показывали мне фотки этого захватчика. В профиль – вылитый я. А жена говорит, что вылитая она. Но я-то лучше вижу.

А потом она меня ночью растолкала, и мы поехали рожать. Всё что помню – выспаться в этот день мне не удалось, а ближе к полудню позвонили и сказали: «Всё, ты теперь папа».

Это я-то папа? Да я ещё Ассасин Крид на приставке не прошёл, какой из меня папа? Кто сказал тридцать лет?

Дня два мне показывали что-то из окна третьего этажа роддома. Присылали фотки сморщенного краснолицего существа. И это моя дочь? Вот это чудо с закрытыми глазами? Это человек вообще?

Потом примчался с работы их забирать. Так растерялся, что забыл купить букет. Вру, не забыл. Я даже не знал, что эти букеты покупать надо. Мне же никто и никогда не рассказывал, как детей из роддомов забирают. А в интернете найти не догадался.

Примчался, дрожащими руками взял из рук медсестры что-то в одеяльце с ленточкой. Привез домой, положил на тахту. Стою, смотрю, а ОНО спит. Тахта, кстати, знаменитая. Я, когда родился, меня тоже на неё положили. Я потом отдал её за шоколадку, чтоб эта порочная традиция ушла из нашей семьи. Мне эта тахта никогда не нравилась. Лет в тринадцать перестал на ней помещаться.

И тут ОНО проснулось. Закряхтело, заворочалось. И вдруг как захнычет! У меня – паника! Что делать-то?! Жена подошла, укачала, покормила. ОНО – опять спать. Так и зажили.

Первые года два от меня толку мало было. Ну, схожу с коляской и вокруг дома круги понарезаю. Ну, отвезу их в поликлинику или на массаж. Купать, правда, сразу взялся, Юльке тяжело было.

А где-то года в два это существо взяло меня за руку, в глаза заглянуло и говорит:
– Паписька.

И всё. Теперь я «паписька». Соня уже давно вымахала выше мамы. Чемпионаты по боксу и дзюдо выигрывает. Мамочки за моей спиной перешёптываются, мол, папа мальчика хотел. А я не знаю, чего хотел. Я вообще не понимал, как это, когда в доме дети живут. Особенно – твои дети. И вдруг – «паписька».

Мы с Сонькой – друзья. Все психологи мне говорят, что отношения папа-дочь должны по-другому складываться. А я не умею иначе, никто не учил. Как получается, так получается.

Поэтому разбаловал, конечно. Никого ни во что не ставит. И на шее сидит, ножки свесив, из отца верёвки вьёт. И ведь понимаю, что она, паразитка, делает. А сопротивляться не могу. Наверное, все отцы что-то похожее испытывают.

Года три ей было, когда мы первый рассказ придумали, потом ещё один. А первый сборник детских рассказов уже в её первом классе вышел. С тех пор я – детский писатель. Сонька по школе гордая ходит – ещё бы – папа-писатель. Про неё книжки пишет. На презентациях с видом кинозвезды раздаёт автографы. Только ошибается часто. Вместо «Софья» пишет «София». Но это дело поправимое, читателям её возраста даже нравится.

Так что, уважаемые читатели, никак я не могу определиться. То ли мне забросить взрослую литературу, впасть в детство и окончательно уйти в сказки, то ли всё-таки оставаться Доктором Лобановым? А то какое-то раздвоение личности получается.

Сию я вечером, ваяю очередную нетленку про военных врачей. А тут подкрадывается это чудо, повисает на мне и заявляет:

– Бросай чепухой заниматься, пошли сказку сочинять.

И я бросаю. Потому что нетленка-нетленкой, а восемь лет твоей дочери всего один раз в жизни. Идём и сочиняем. Про девочку и крокодила, про буку-злюку, длиннющий сериал про девочку, которая ночью пошла на кладбище. Материала много, и каждый день соавтор что-то новенькое подкидывает. А после её фантазий, какие уж тут военные и пациенты.

Так что если я всё-таки уйду в детские писатели – вы же меня простите, верно?

Соня и спорт

Соня увидела по телевизору передачу про танцы и решила стать знаменитой балериной.

– Папа, отведи меня на танцы! – громко сказала она.

Папа как раз на диване лежал, делал вид, что после работы устал, поэтому просьбе любимой дочери не очень обрадовался.

– Сонечка, может, завтра?

– Нет, – отрезала Соня. – Если всё откладывать на завтра, то знаменитыми балеринами другие успеют стать. Поехали сегодня.

Папа чуть слышно застонал.

– Вот ты откладывал всё на завтра, и где ты теперь? – Соня кивнула в мою сторону. – На диване лежишь. Доктором работаешь. А мог бы в Большом театре арию Ленского танцевать.

– Ария Ленского, это, кажется, из оперы, – едва слышно усомнился я.

– А какая разница? – нахмурилась дочурка. – В опере что, не танцуют? Поехали.

Куда папе деваться? Поехали. Купили в магазине юбочку-пачку, чешки и красивое чёрное трико. Посмотрели в интернете и выбрали танцы в большом спортивном комплексе. Папа договорился с тренером.

– Ну, иди, – в глазах папы блеснула гордая родительская слезинка. И Соня отправилась покорять вершины искусства. А папа остался в коридоре сидеть. С другими... мамами.

Поначалу Соне всё понравилось. Красивая тётя построила её вместе с другими девочками в длинную шеренгу и начала под музыку показывать разнообразные изящные движения. У неё так здорово получалось, прямо как в телевизоре. И слова непонятные «па-де-де», «антраша» и ещё одно интересное слово, когда одна из девочек поскользнулась и на пол грохнулась. Соня принялась движения повторять, и тут же поняла, что движения эти изящные только у тётки. У Сони ноги почему-то не слушались, а руки так и норовили убежать в другую сторону. Отмучилась первый день, а наутро заявила:

– Не хочу быть балериной.

– А кем хочешь? – осторожно спросил папа.

– Там рядом с танцами девочки прыгали. Тоже прыгать хочу.

– Художественная гимнастика, что ли?

– Гимнастика, – согласилась Соня. – Поехали.

Покупать ничего не пришлось, спортивный костюм в шкафу нашёлся. Папа договорился по телефону с тренером, обнял Соню и отправил в большое спортивное будущее.

Поначалу Соне и здесь всё понравилось. Тренер построил её с другими девочками и мальчиками в длинную шеренгу и начал всякие движения показывать. Но и тут Соню руки с ногами подвели. Через час она с гимнастики вышла и заявила об окончании спортивной карьеры.

– Куда дальше пойдём? – вздохнул папа. – На рисование?

– На рисование я в прошлом году ходила, – говорит Соня. – Это пройденный этап. Может, на тяжёлую атлетику?

– Почему на тяжёлую атлетику? – поразился папа.

– Там всё быстро. Вышел, штангу поднял – медаль получил. И не надо бегать по полдня. Хотя нет, – тут же передумала Соня. – Они, когда штангу поднимают, некрасивые лица делают. Это не эстетично. Пошли посмотрим.

И стали они гулять по коридорам комплекса и в разные залы заглядывать. Футбол, теннис, фехтование... А тут что?

Заглянула Соня в один зал, а там мальчишки дерутся в смешных халатиках. И главное, что никто их за это не ругает. Наоборот, большой дядя в таком же халатике подбадривает. И смешной дядя с прищуренными глазами на стене нарисован. Дзюдо называется.

– Хочу! – заявила Соня.

– Доченька, здесь же одни мальчики, – охнул папа.

– Хочу! – отрезала Соня.

И шагнула в зал дзюдо.

И сразу ей тут всё понравилось. Подошла к мальчику, толкнула, он упал. И никто не ругает. Соня и второго толкнула.

– Вот это боевой дух! – похвалил тренер. – Давай я теперь покажу, как правильно толкаться.

Вечером в гости пришла бабушка и принялась чай пить.

– Ну что, выбрали спорт? – спросила она.

Папа почему-то за чайником спрятался.

– Выбрали, спрашиваю? – удивилась бабушка.

– Выбрали, – нехотя говорит папа.

– Гимнастика, фигурное катание?

– Дзюдо! – гордо заявила Соня.

Бабушка охнула и схватилась за сердце.

– Я давно подозревала, что твой отец хотел мальчика. Что же тебе там понравилось, внученька? Там же дерутся!

– Это и понравилось. Можно драться, сколько влезет, и никто тебя за это не ругает.

Короче, ходит теперь Соня на дзюдо. Делает успехи. А папа, когда её забирает, всё время правой лестницей уводит. Чтоб мимо зала бокса не проходить.

Первая любовь

Ну как первая. В детском саду Соня влюблялась неоднократно. И в неё влюблялись. Один нахальный жених лет пяти подкатил ко мне с деловым разговором, мол, ты, дедуля, Соньку замуж ни за кого не отдавай, я вырасту и заберу. Клятвенно обещал серьёзному товарищу в ближайšie лет пятнадцать дочь замуж не отдавать. Дня три новобрачные держались за ручки, а потом он то ли совочек свой кому-то не тому в песочнице отдал, то ли карандаш цветной зажал, короче, любовь прошла, завяли помидоры. С тех пор моя красавица вспоминала о бывшем женихе только с презрительной дрожью в голосе. Женщины-с.

Уже под занавес детсада Сонька ходила по комнате, искала место для игрушек какого-то Вадика. Мол, он жениться собрался, переезжать будет. Я уже смирился с тем, что на моей жилплощади появится какой-то незнакомый мужчина. Но тут брак, прямо по Воланду, испортил квартирный вопрос. Соня решила, что места и для своих игрушек мало, а ещё и велосипед надо куда-то ставить. Пусть Вадик дома у мамы поживёт, раз он такой тормоз и в шесть лет не обзавёлся собственным жильём.

Но это были детсадовские шалости. В первом классе началось всё по-взрослому. А кто получил от всей этой романтики головную боль и разговор с учителями? Правильно – папа.

Приходит как-то надутая.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Да ну, ерунда какая-то, – отмахивается дочь.

Наливаю ей чай, сажусь рядом. Шумно сёрбает, смотрит в окно. Вижу, что-то гложет, но молчит. Ни за что не скажет. И это семь лет. Что я с ней буду делать, когда тринадцать стукнет? Надо подойти к приятелю-психиатру, чтоб заранее какие-нибудь сильнодействующие успокоительные посоветовал.

– Расскажешь?

– Не-а.

– Ну и ладно, – я отсаживаюсь подальше, демонстративно открываю ноутбук.

Вздыхает, смотрит на меня с осуждением. «Нет, милая, я с твоей мамой тринадцать лет живу, я все ваши штучки знаю».

– Ну вот что ты за отец?!

«Ага, клюнула».

– Совершенно не интересуешься жизнью дочери.

– Угу, – говорю я, увлечённо рассматривая, как по буквам текстового редактора ползёт какая-то букашка.

– У меня, может быть, проблемы.

Букашка старается, преодолевает контуры буквы «д» в слове «демократизация» и приближается к «е». С такой скоростью она дембельнётся минут через пять не меньше.

– Ты меня слушаешь вообще?

Закрываю ноутбук, с демоническим хохотом обрекая букашку на тьму и стенания, смотрю на дочь.

– Да, я тебя слушаю.

– Ну ла-а-а-адно, – снисходит «принцесса». – Это всё Сашка.

– Какой Сашка? – поднимаю я брови, стараясь вспомнить всех сопливых и вихрастых одноклассников в отглаженных брючках, которых я видел в одной шеренге первого сентября.

– Ну Сашка-же, – возмущённо смотрит на меня дочь.

– Ага, Сашка, – тут же соглашаюсь я. – Белобрысый такой.

– Ну па-а-а-ап, – ворчит Соня.

– А, это другой. Понял, понял. Сашка. Что он сделал?

– Взял сегодня мой портфель и на пол его бросил.
– Безобразие, – говорю я. – А ты что?
– А я ему говорю: «Ты что, дурак?»
– А он?
– А он заржал, как ненормальный, и убежал из класса.
– Безумная история, – говорю с сочувствием. – Не знаю, как бы я такое пережил. Но ты у меня сильная, ты справишься.

– Ну па-а-ап.
– А! Ещё не всё? – встрепенулся я.
– Конечно не всё! А ещё он вечно ходит за мной с Колькой и хихикает.
– Хихикает, значит? Это уже серьёзно. Настораживает. Ты подойди к ним, когда заметишь, что хихикают, и в лоб спроси: «Чего хихикаете?» Прямо так и спроси!
– Понятно, – вздыхает дочь. – Что с вас, мужиков, возьмёшь? Пойду у мамы спрошу. И удаляется. Оставив меня на кухне с пустой кружкой из-под чая и в растерянности.
– Нет, ну ты видел? – спрашиваю я у хомяка.

Хомяк крутит колесо, поблёскивая бусинками-глазками. Ему не до человеческих проблем, у него дело есть. Я давно подозревал, что наш хомяк всё-таки девушка. Никакого сочувствия. Пойду рыбкам пожалуюсь. Там их много, самцы точно найдутся.

Пару дней Соня ходила задумчивая. О чём-то они с мамой пошушукались, но это шушуканье помогло мало. А потом Сашка с грацией невыспавшегося носорога сам всё испортил. Мы, мужчины, в этих вопросах профаны полные.

Решил он в среду на второй перемене перейти к активным действиям. Подошёл к Сониной парте, взял портфель и на пол бросил.

– Ты что, дурак? – ожидаемо отреагировала Соня.

– Ага, – радостно отозвался Ромео, и поддал портфель ногой. – А ты...

И тут он её обозвал. Слово было не то, чтобы нецензурное, и не то, чтобы нелитературное, даже русские классики иногда позволяли себе его применять. Но мне как-то стеснительно. Не буду его тут приводить. Чего он ожидал? Что Соня восплает к нему неземной страстью? Погонится с криком и тогда можно будет с хохотом убежать по классу, излучая добро и любовь? Что заплачет и станет от этого ещё красивее?

Как же он просчитался. Вы же помните, что Соне понравились не танцы, а дзюдо? Это было только начало. Через пару месяцев дочь пронюхала, что в соседнем зале идут занятия по муай-тай, теперь мы ходим и туда. В квартире повсюду валяются боксёрские перчатки, какие-то капы, защита голени и локтей, и это не мои перчатки и защиты.

Соня встала. Несколькими отработанными лоу-киками загнала испуганного обзывальщика в угол ринга и принялась его методично бить. На крик в класс прибежала учительница, Соню оторвали от жертвы, кровь из носа остановили, вызвали родителей.

Сашка мало того, что оказался нюней, так ещё и стукачом. На очной ставке тут же перевёл все стрелки на Соню, мол, она и конфликт спровоцировала, и побила его. Соня смотрела на парня исподлобья, в её глазах колыхалось холодное презрение. Родители Сашки пытались что-то предъявлять, но, во-первых, он её на полголовы выше, во-вторых жаловаться на то, что вашего сына побила девочка как-то неудобно. Разошлись.

А вечером привёл я свою «ниндзю» на тренировку. Посидел полтора часа в фойе, подумал о жизни. А тут вываливает из зала толпа малолеток, сияют все, довольные. Один из них, рыжий такой, плечистый, сразу ко мне.

– Вы Сонин папа?

– Я, – отвечаю, а сам на двери поглядываю, куда отступить в случае чего.

– Вы Соню замуж пока не отдавайте, – заявляет мне этот нахал.

– Почему?

– Я подрасту немного и женюсь на ней. Она так классно дерётся. Сегодня мне три раза в печень попала.

И ушёл довольный.

Жених – боксёр. Однако. Не знаете, где можно тихонько и незаметно купить ружьё?

Хотел ли папа мальчика

Когда моя жена забеременела, и это стало слишком заметно, окружающие начали задавать мне один и тот же вопрос:

– Ты кого больше хочешь – мальчика или девочку?

Совершенно идиотский вопрос для тридцатилетнего мужика, у которого до этого детей вообще не было. А также не было малолетних племянников, братьев, сестёр и прочих близких родственников младше пятнадцати лет. Я никого не хочу – ни мальчика, ни девочку! Я, блин, в панике!!! Только накопил на приставку, кредит за однокомнатную квартиру выплатил, присмотрел в салоне неплохой седан и мечтал рвануть на нём по ближней Европе летом. А тут – поздравляю, дорогой, ты скоро станешь папой.

Не то что бы мы совсем ребёнка не планировали. Я не планировал. Нет, ну мы говорили по вечерам, что уже несколько лет вместе, и с квартирой устаканилось, работа стабильная и... Но это ж всё только разговоры были. А тут – мальчика или девочку? Я седан хочу! Немецкий! Чёрный, но можно и асфальтового цвета. И новый диск с Ассасином. Недавно только научился сносно по крышам бегать.

Но я ж мужик. В ответ на вопросы о мальчике или девочке делал суровое лицо и мужественно отвечал, что хочу обязательно мальчика. Продолжателя рода. Буду с ним в футбол играть (конечно же на приставке, я бегал последний раз в универе на физкультуре), учить жизни. Как костры разжигать, в лесу не заблудиться. Сейчас погулрю, с какой стороны на дереве мох растёт.

Родилась девочка.

О том, что у нас будет девочка, мы узнали от доктора узиста, но опять же я сразу не поверил. Я ж уже запланировал футбол, лес, костёр. Суровое лицо перед зеркалом тренировал. Я ж отец. Зря тренировал. Готовился быть отцом – стал папусиком. Ну и ладно, суровое лицо у меня, честно говоря, так себе.

Появиться потомок захотел, естественно, ночью. Это у новорожденных такая хорошая традиция. Часов до четырёх жена мужественно терпела, потом разбудила меня и говорит:

– Поехали в роддом, на этот раз не прокатит.

До меня и тогда не дошло. Отвёз. Через полдня получил фото кого-то сморщенного и красного. Через пару дней забрал жену из роддома с сопящим свёртком.

Принёс свёрток домой, положил на тахту. И тут ДОШЛО! Твою дивизию, я ж теперь родитель! Не прошло и тридцати лет. И этот сморщенный хоббит – моя дочь. Словно в ответ на мои мысли хоббит приоткрыл мутный глаз и захныкал.

Первые года два я был бесполезен. Накрутить пару кругов по двору с коляской, подняться ночью, чтоб принести орущее чадо к маме-кормушке, вечером искупать, потому что весит это чадо уже прилично, а жена у меня всё-таки Дюймовочка. Это да, бывало. Но в основном я был этому тандему не нужен. Наверное, года в два-три Софья решительно взяла меня за палец и заявила:

– Паписька, пойдём.

Так с тех пор и хожу. Обучалки-развлекалки-тренировки. Поначалу ещё пытались сделать из этого чада принцессу – не получилось. Папа всё-таки мальчика хотел. Танцы были решительно отвергнуты через полгода занятий, рисование на второй неделе. Пианино – сразу же, в первые часы, пока родители и бабушка педагог-музыкант не опомнились. Зато в соседнем с танцами зале обнаружили дзюдо, а через полгода – тайский бокс (без отрыва от дзюдо). Чёрные майки, плакат Кипелова на стене прямо поверх розовых обоев.

В машине играет какой-нибудь Бетховен:

– Папа, выключи эту нудятину, давай споём «Проклятый старый дом».

Бабушки в шоке, жена ругается: «Кого ты воспитываешь?!» Так это не я воспитываю. Это она сама. Я просто следом хожу.

Лет в пять впервые заявила:

– Папа, я выхожу замуж.

Для отца всегда неожиданно, когда дочь выходит замуж. Что в тридцать, что в пять лет.

– Ладно, – говорю. – Кто избранник?

– Вадик. Коля или Миша. А ещё мне близнецы нравятся, особенно Андрей. Я ещё не определилась.

Меня тогда впервые укололо в сердце. Всё это шуточки детсадовские, но ведь придётся когда-нибудь отдать.

Может, лучше шахматы?

– В красном углу ринга – Соня Гушинец!

Сонька ныряет между канатов, смотрит исподлобья на противника. В углу тренер похлопывает её по плечам, расшевеливает, сбивает волнение.

– Сразу бей, не спи! Тип – и сразу двоечку!

У меня начинают трястись руки, и телефон, которым я снимаю бой, ходит ходуном.

Вот почему не фигурное катание, не художественная гимнастика, не бадминтон какой-нибудь или кёрлинг в конце концов? Почему эта девочка в шесть лет вошла в зал тайского бокса и осталась там? А ещё дзюдо. Там, по крайней мере, твоего ребёнка не бьют ногами по голове. Поваляют чуть-чуть по татами, но это же не так волнительно. А тут ринг. И противник. И три раунда по минуте. Три раунда моего состояния, близкого к инфаркту.

Детские соревнования по какому-нибудь мордобою на самом деле скучнейшее мероприятие.

Будишь в законные выходные недовольного и негодующего ребёнка. Ребёнок капризничает, заявляет, что в гробу он видал все эти соревнования, противников, тренера и безжалостных родителей за компанию. Тянешь его в спортивный зал, где уже собралась огромная толпа таких же недовольно не выпавшихся детей и родителей. Узнаёшь, где у них тут взвешивание, смотришь с содроганием в отцовском сердце, как твоё цыплячье-длинноногое и бесконечно дорогое потомство, ёжась от холода, стоит босиком на весах. Предательская стрелка мечется между 35 и 37 кг. Вместе со стрелкой мечется твоё давление. В какую весовую категорию на этот раз попадём? Не были ли лишними полкружки чая, выпитого перед отъездом?

– 36 килограмм, – объявляет мучительница из весовой комиссии.

Терпимо. Теперь быстро забросить в ребёнка недостающие калории, уложенные в сумку заботливой мамой. И ждать жеребьёвку. Дитё просыпается, начинает нервничать перед боем и беситься. Ты тоже нервничаешь. Ждёшь.

Наконец вывешивают списки.

Листок, наклеенный на стену зала, собирает вокруг себя толпу взволнованных родителей. Жеребьёвка прошла. Седьмая пара «Софья Гушинец – Екатерина Смирнова».

Где эта Катя? Кто из этих девочек в майках вражеских клубов Катя Смирнова? Вон та, с косичками? Или эта, стриженная? Я уже заранее ненавижу эту Катю, желаю ей проигрыша. Я бы сам подрался с ней, но девяностокилограммовых дядек не выпускают на ринг против десятилетних девочек. А так я бы победил. Наверное. Не уверен.

– В синем углу ринга – Екатерина Смирнова!

Вот она. Всё-таки с косичкой. И тренер что-то ей говорит. И родители снимают на телефоны. И у них, вот пакость, не трясутся руки. Что там за Катя Смирнова, сейчас мы попробуем её на прочность!

Ухожу подальше, чтоб не нервировать ребёнка. Сонька собрана перед боем, как маленький, но очень злой зверёк.

Гонг! Орут все! Орут тренеры, перекрикивая друг друга! Орут группы поддержки! И ты тоже орёшь, переживая за своё худощавое длинноногое-цыплячье потомство. И чувствуешь каждый удар, словно это тебя бьют.

Потом, конечно, награда, медалька какая-нибудь. Или майка, мокрая от слёз. И уже в машине ты спрашиваешь своего побитого ребёнка:

– Ну что, поедem ещё на соревнования?

И тебе немного удивлённо отвечают:

– Папа, ну что за глупые вопросы? Конечно, поедem.

На вишне

Сониная бабушка Таня живёт в деревне. Каждое лето, как только заканчиваются уроки, Соня собирает огромный рюкзак – несколько любимых игрушек, пачка раскрасок, стопка заданных на каникулы книжек, несколько смен одежды. Всякие девчачьи мелочи. Расчёски, помада, зеркальце. Я молча и сосредоточенно тащу всю эту тяжесть в багажник, хоть отлично понимаю, что за летний период ни одна из книг не будет открыта, большая часть игрушек останется в рюкзаке, произвольно выбранная одежда будет заношена до дыр, а остальная пролежит нетронутая. А в августе я приеду и заберу вместо аккуратно причёсанной девочки что-то чумазое, нечищеннозубое, всколоченноволосое, пропахшее костром, погрызенное собаками, поцарапанное во всех мыслимых и немыслимых местах и довольное. Будем потом этого Маугли отмывать и приручать.

А пока пусть едет. У ребёнка хоть летом должен быть кусочек свободы.

Приезжаем, притаскиваем в подготовленную бабушкой комнату сумки и рюкзаки. Сонька тискает удивляющуюся её росту бабушку, визжащую от радости собаку, разбегающихся во все стороны котиков. И лезет на вишню. За домом растёт несколько толстых, разлапистых вишен. Сонька с ловкостью обезьяны добирается до развилки, усаживается на колючую ветку, устраивается поудобнее и замирает. С высоты дерева она видит уходящие к зарослям кустов огороды, простор полузаброшенного колхозного поля, а где-то на горизонте синий зубчатый край далёкого леса. Ресниц и щек Сони приветливо касается тёплый летний ветерок. Вечереет. Собака извелась, пытаясь вызвать вновь обретенную подругу на игру. Мы попили чай, обсудили все мыслимые и немыслимые новости. А мой шумный и неусидчивый ребёнок всё ещё сидит на дереве. Смотрит на поля, на далёкий лес. Думает о чём-то своём.

О чём? Я никогда не спрашиваю, а она никогда не рассказывает. У каждого должен быть свой маленький уголок. Только для себя, своих мыслей.

Наконец темнеет, и замёрзший Маугли возвращается в дом. Набрасывается на картошку, испечённые бабушкой блинчики. Ест так, что за ушами трещит. И молчит. Начинается её лето.

Я немного грущу в ожидании долгой разлуки. И почти завидую.

Ветка вишни меня не выдерживает.

За маму, за папу...

Этого ребёнка не накормить. Приготовишь что-нибудь заведомо вкусное, полезное, чтобы витамины с белками аж через край тарелки лезли. Придёт, поклюет и оставит половину. Худющая, длинная. Одни локти и колени. Тренеры ставят её на весы, качают головами. Тридцать пять кг костей. Что с этим делать?

Даже в Макдоналдсе минут по десять стоит у экрана с меню. Выбирает. Гамбургер она не хочет, к мороженому сегодня душа не лежит, коктейль одолела наполовину, остальное папа допивает. Ещё спрашивают, откуда у меня лишние килограммы. От дочери, конечно. Я всё за ней доедаю.

Смотрит, как я доедаю её гамбургеры, прихлёбывает колу. Вот это мы любим, вот это в любых количествах.

Надо какую-то родительскую мудрость сказать. А то неправильно всё это. Вредное питание и всё такое. Задумываюсь на минуту, даже жевать перестаю:

– Ты знаешь, что кола растворяет гвозди?

Соня, невозмутимо отхлёбывая:

– А я гвозди не глотала.

И не поспоришь.

На тренировке

Сонька ходит на дзюдо и тайский бокс. Суровая девочка. Ей дико нравится, поэтому старается. Я, конечно, пробовал и на танцы, и на фигурное катание. Воротит нос. Однажды её заманивали на кастинг в модельное агентство. Ещё бы – полтора метра скелета, там такие как раз нужны.

Подошла в коридоре спорткомплекса девушка, всучила флаер и принялась расхваливать, какие у Сони перспективы, как её фигура для модельного бизнеса подходит.

Прынцесса моя флаер повертела и вежливо обратно девушке отдала.

– Извините, – говорит. – У меня через неделю бой с одной пигалицей из Молодечно. Мне надо её во втором раунде уложить.

И ушла такая гордая.

А девушка из модельного агентства на меня ТАК посмотрела. Мол, что я из ребёнка делаю, зверь и деспот.

А я ничего. Это она сама. Честное слово.

* * *

У Соньки в группе по дзюдо одни мальчишки. И полно таких, которым эти тренировки пофиг. Их родители привели, они и бегают, хихикают, балуются.

Тренер быстро на них управу нашёл.

Сонька стоит с одним парнем в паре. Бросила через плечо, придушила слегка. Тот заплакал, ушёл в угол. Второго повалила, тот тоже хнычет, обидно, что девочка победила.

И тут кто-то баловаться начинает. Тренер ему:

– Будешь баловаться – отдам Софье.

Мальчишка покосился на хнычущих товарищей и примолк.

* * *

Вообще отношение к Соне быстро поменялось. Первую неделю тренер поглядывал на неё с тревогой, упадёт – заплачет. Но Сонька вошла во вкус и уже всю валяла противников. А ещё школа бокса. Стукнули в нос – ну и стукнули, чего расстраиваться.

Вскоре тренер стал говорить:

– Никита, что ты хнычешь, как девчонка?

И тут же, поворачиваясь к Соне.

– Извини, это не про тебя.

Все говорят, что я хотел мальчика, поэтому делаю из дочери неизвестно кого.

А я не хотел. Это она сама. Я, кажется, это уже говорил?

Колька Айболит

Тёплое яркое лето как-то быстро подошло к концу, дочь вернулась из деревни, где она гостила у бабушки, и засобиравшись в школу.

А перед школой нас ожидал любимый всеми родителями процесс – прохождение медосмотра. Приходим в поликлинику – там уже огромная очередь из таких же «счастливиц». Взяли талончик, сидим, страдаем.

Вокруг ревушая детвора разного возраста, подростки залипают в телефоны, мамы нервничают и ругаются. Обычный день обычного педиатрического отделения поликлиники.

Вдруг слышу совсем рядом робкое:

– Здрас-с-сьте.

Поворачиваюсь – так и есть. Колька. Пацан из соседнего дома, старше мою принцессу на год. Проклятие моё. Только его нам тут не хватало.

С Колькой мы познакомились ещё в прошлом году, когда девица моя перешла во второй класс, а этот малолетний хулиган – в третий. Учились они тогда в одном крыле школы, классы рядом, дверь в дверь. Колька осознал, что теперь он старше не только робких первоклашек, но и всего второго класса. А значит, надо «построить» мелкоту. Сделал физиономию понаглее и направился к соседям.

Зашёл в класс. «Мелкие» притихли. Колька выбрал портфель девочки посимпатичнее и для затравки с большим наслаждением пнул его. Портфель полетел на пол, посыпались ручки и тетрадки.

Зря он так поступил.

Дурачок Колька повторил судьбу неудачливого жениха Сашки. При этом досталось ему гораздо больше. Саша был всё-таки свой, почти родной. А тут чужак какой-то портфели пинает. Он же не знал, что у симпатичной девочки вся стена медалями увешана. Да, по закону подлости Колька пнул именно Сонин портфель.

Будущая звезда белорусского спорта привычно загнала противника в угол ринга и начала объяснять, что портфель и ручки – это её частная собственность.

В тот же день меня во второй раз в жизни вызвали в школу. Странное ощущение. Недавно я в школе сам бедокурил, а вместо вечно занятых родителей к директору вызывали соседа. Наступило моё время. Значит, я уже большой.

Приезжаю. В коридоре перед классом – учитель, психолог, Соня, Колька и незнакомая дама – Колькина мама. Она, только завидев меня, бросается в атаку.

– Ваша дочь – хулиганка!

– Допустим, – не стал возражать я. – Всё починим. Необратимые потери денежно компенсируем, виновные будут вознаграждены, непричастные наказаны. А что, собственно, случилось?

– Она избивала моего ребёнка!

Смотрю на «ребёнка». Дитяtko килограмм на пять тяжелее дочери и на полголовы выше. Стоит, всхлипывает, нос красный, воротник в каплях крови, видимо, действительно били.

– Разберёмся. Соня, что произошло?

– А чего вы у неё спрашиваете? – возмущается Колина мама. – Мы вам сейчас расскажем.

– Ваша версия меня тоже интересует, – отвечаю. – Но хотелось бы сначала выслушать заинтересованную сторону.

Услышал. И про портфель, и про то, как Колька его пнул. И про то, как его зажали в углу и беспощадно отметелили.

– Вот видите! – торжествует дама. – Она даже не отпирается!

– То есть вашего мальчика побила девочка на год младше после того, как он совершил покушение на её личное имущество, словесно оскорбил в ответ на устное предупреждение и попытался дёрнуть за волосы? Ничего странного не замечаете?

Колина мама осознала некоторую нелогичность происходящего. Поворчала ещё немного, но уже без прежнего пыла. Потом мы долго выслушивали нотации от педагога и психолога. Обещал разобраться, предотвратить, наказать, принять меры.

Фиг его знает, какие меры принимать. Сели, серьёзно поговорили, обещала больше Кольку не трогать. Если он опять её портфель пинать не будет. И то хорошо. Лучше вооружённый нейтралитет.

Наступила зима – опять конфликт. Сонькины одноклассницы построили во дворе что-то вроде крепости. Пришёл Колька с друзьями, разрушил её, побросал девчонок лицом в сугроб, набил снега за шиворот. Те пришли к Соне за «крышей». Вечером звонит мне Колина мама.

– Вы опять?!

– Ни в коем случае, – говорю. – Никто никого не бил, по крайней мере лицо цело, нос не разбит и синяков не осталось.

Девчонки крепость восстановили, а когда Колька с друзьями вернулся, позвонили Соне. Спускаться на лифте недолго. Завидев Соню, Колька попытался убежать. Его догнали, дали пенделя, отобрали шапку и шарф, набили за шиворот снега.

Нам грозили милицией, отсутствующим отцом, спецшколой.

– У меня тихий мальчик! – кричала Колина мама. – Он дома сидит, никуда не ходит, домашний ребёнок. Шахматами интересуется на планшете. Он не привык, чтоб каждая хулиганка его била!

Я кивал и обещал разобраться. Колька стал обходить девчачью крепость за километр.

К весне дети вроде подружились. Крепость доломали всей толпой, а на её месте наладили переправу через огромную лужу. Как-то вечером сижу дома – рассказ пишу. Слышу – звонок. На пороге – кавалер собственной персоной. Колька.

– Здравс-сьте, а Соня выйдет?

– Прогресс на лицо, – удивляюсь я. – А чего не по мобильному?

– У меня мама телефон отобрала. Много играл.

– Понятно. Забирай свою даму, если она не против. Но помни, ровно в двенадцать карета превратится в тыкву. Намёк понял?

Вижу – не понял. Не знают шахматисты литературной классики. Ну да ладно.

На лето дети разъехались по деревням и бабушкам. И вот – поликлиника, очередь, Колька.

– Ты что тут делаешь? Тоже на медосмотр?

– Не-е-е, – вздыхает «тихий мальчик». – Я к доктору.

– Заболел?

– Ага. Я всё лето сюда ходил. На неделю к бабушке – а потом сюда.

– Что ж тебе так не повезло?

– Сначала я горошину в нос засунул, – похвастался Колька.

– Глубоко? – поинтересовался я.

– Ага. Почти на палец. Сморкался-сморкался – не выходит. Бабушка – в крик – и меня в поликлинику.

– Достали? Или у тебя теперь из носа гороховое дерево вырастет?

– Достали, – ухмыляется «тихий мальчик». – Но через неделю опять привезли.

– Опять горошина?

– Не-а. Мы с пацанами рогатки делали. Классные получились. «Пробойков» из проволоки белой накрутили и давай стреляться.

– Попали, – понял я.

– Ага. Это всё Вовка. У него рогатка больше всех. И резинка не от трусов, а от велосипеда.

Как стрельнул! Прямо мне в глаз.

– То есть во второй раз ты не к лору, а к окулисту.

– Ага, – гордо кивнул Колька.

– Дальше что было?

– Потом мы с пацанами по грибы пошли. В лес.

– И там тебя покусал бешеный медведь?

– Нет. Там мы нашли грибы. И на костре их пожарили. Пацанам ничего, они привычные.

А меня потом тошнило и живот болел.

– Инфекционное отделение, – констатировал я. – Дальше.

– А потом у Вовки день рождения был. Ему батя целых пятьдесят рублей (25 долларов) подарил! У него хороший батя, особенно когда выпьет!

– И вы купили...

– Мороженое, – вздохнул Колька. – Целый ящик.

– Опять к лору?

– Ага. Острый тонзиллит!

– Молодец, правильно диагноз выучил. А теперь-то что? Грибы, горошина, рогатка?

– Не-е-е, – хмыкнул Колька. – Теперь к травматологу.

– Голова отваливается?

– Я вчера домой от бабушки приехал. Соскучился по своим, дворовым. Мы на крыши гаражей полезли, я прыгнул. И вот...

Колька кивнул на костыли, стоящие рядом со скамейкой.

– Так что первого сентября в школу не пойду. Перелом плюсневой кости.

Из кабинета педиатра высунулась медсестра.

– Кто на комиссию, проходите!

Мы с Сонькой вскочили. Кроме нас подорвалось ещё полдесятка «комиссионных».

– Ну, бывай, – говорю я «тихому мальчику». – Выздоровливай. И это... как нога заживёт, заходи. В шахматы поиграем.

Всё-таки хорошо, что у меня девочка.

Байки детского писателя

Конкуренция в книжном бизнесе

Года два назад дочь наотрез отказалась засыпать под старые читанные-перечитанные сказки, пришлось на ходу сочинять что-то новое. Насочинял на небольшой сборник. И, как водится, принялся стучаться во все издательства в попытке его выпустить.

– Отлично, – говорят в одном. – Но у нас очередь на печать. Приходите в начале 2020 года.

– Замечательно, – умиляются во втором. – Но мы печатаем только проверенных писателей. А вы в их число пока не входите.

Понятно, без опыта работы не берём. Всё как в жизни.

– Потрясающе, – отвечают из третьего. – Но мы не заключаем контракты с иностранцами.

До 1991-го я у них иностранцем не был. А теперь внезапно почувствовал себя таким мистером Твистером из США. Иностранец...

В четвёртом главный редактор молча распахнул шкаф. В нём плотными рядами стояли рукописи. Пожелтевшие листы, пухлые папки.

– Я только до второго ряда добрался, – пожаловался мне редактор. – Некогда читать.

Мегамонстры российского книгопечатания ответили вежливыми письмами, обещали рассмотреть. До сих пор рассматривают.

Я опустил было руки, но неожиданно мне позвонили из белорусского издательства «Звезда».

– Отличная книга, – обнадёжили они. – Но слишком большая. Выбирайте рассказов восемь-десять, и мы издадим их отдельным сборником.

Вечером я плакал и «резал». Мне было искренне жаль вырывать из стройного ряда хоть что-то, но редактор сказал – «надо». Значит надо.

Первая детская книга вышла в 2017-м году. И у меня началась странная жизнь. Приглашали в школы, библиотеки, на детские фестивали. Дочь задрала нос. Ходила королевой, особенно после того как папа выступил в актовом зале школы, в которой она училась. Раздавал автографы шумной толпе разнокалиберной детворы. «Сашеньке от автора», «Ксении от автора», «Елисею от Сони, папы и крокодила».

Но это всё предыстория.

В процессе реализации тиража я не раз слышал от директоров некоторых книжных магазинов:

– Совсем плохо стали книги продаваться. Приходят, смотрят, а потом в интернете скачивают.

А в других магазинах радостно сообщали:

– Разлетаются мгновенно. После вашего выступления заказали двадцать книг – в один день ушли. Приходите ещё.

«Странно, – думал я. – Магазины на соседних улицах. Выступал в школе посередине. Одни – хорошо продают, у вторых совсем ничего не получается. Загадка».

А потом загадка разрешилась.

Приехал я как-то в командировку по основной работе в областной город. Зашёл в общество детей-диабетиков.

– О, это вы! – обрадовалась руководительница общества. – А у нас как раз небольшой праздник завтра. Вы же выступите?

– Лекцию по диабету прочитать? – кисло спросил я.

– Лекцию нам и без вас прочитают, – отмахнулась руководительница. – Вы же детский писатель. Расскажите о своём творчестве. Как вы дошли до такой жизни. У наших-то детей жизнь не очень весёлая, а так – хоть развлекутся.

Грех отказываться от такого предложения. Забронировал номер в гостинице, остался.

– Только у меня к вам одна просьба, – говорит руководительница. – Дети после вашего выступления захотят книжку купить. Сколько у вас с собой?

– Три, – мрачно говорю я.

– А детей будет полсотни. Чтоб они не расстраивались, сходите через улицу в наш центральный книжный. Пусть закажут побольше. Скажем, чтоб там покупали. Вам же нетрудно?

Ради детей и любимого издательства – мне не трудно. Перехожу улицу. Вот она – моя цель. Огромный государственный книжный занимает весь первый этаж жилого здания.

Захожу. Любимый запах, тишина, пустота. За кассой зевает сонная продавщица. В оконное стекло бьётся муха.

– Здравствуйте, – говорю. – У вас книги такого-то есть?

Служительница Гермеса переводит на меня взгляд.

– Га-а-аля! Тут книгу спрашивают!

Я уже не молодой человек. Меня нельзя резко пугать. У меня же может инфаркт случиться.

– Га-а-аля!

Откуда-то из-за стеллажей материализуется Галя.

– Вам какая книга нужна?

– Такая-то. Сколько у вас есть?

Меня ведут вглубь магазина. Галя роется на стеллаже – и из пыльных глубин извлекается на свет помятая обложка знакомой книги.

– Вот, есть такая.

– А сколько?

– Сейчас посмотрю.

Копается дальше.

– Вот, ещё одну нашла. Две, выходит. Све-е-ета, посмотри в компьютере, сколько осталось.

Опять я на грани инфаркта. Зачем так кричать?

– Две-е-е! – отвечает Света.

– Будете брать?

Объясняю ситуацию. Я – автор. Приехал выступать. Будет полсотни детей. Придут покупать книгу. Надо бы заказать.

– Это вам к заведующей, – Галя оживляется, в глазах – интерес. Пролистывает мою книгу. – Это вы сами написали?

– С дочерью, – киваю я.

– Обязательно почитаю, – Галя откладывает книгу в сторону.

Приятно, блин.

Идем в каморку к заведующей.

– Инна Сергеевна, тут автор. Будет выступать.

В полутемном чуланчике заведующая косплеит Гарри Поттера. Пыль, косая чёлка, очки с толстыми линзами. Только шрама на лбу не хватает. Коряво и неловко объясняю ей что и как.

– Выступать? – недовольно вздыхает хранительница книжных завалов. – Полсотни, говорите?

– Может, даже больше. Обещали актовый зал собрать.

– И что, вы думаете, после вашего выступления они прямо за этой книжкой ЛОМА-НУТСЯ?

По-моему, неудобно было даже Гале.

– Не уверен, – отвечаю. – Но ваш магазин я упомяну.
– Ладно, – смилостивилась заведующая. – Сколько у нас его книг?
– Две, – охотно подсказала Галя.
– Закажи ещё... две. Там посмотрим.
– Э-э, – протянул я, готовясь сказать про полсотни детей.
– Я и так сделала, что могла, – фыркнула заведующая и скрылась за баррикадами нераспроданных книг.

Галя развела руками.

Вышел из магазина расстроенный. А пока брёл обратно в общество диабетиков, заметил в стене жилого дома дверь, выходящую прямо на улицу. А на двери надпись «Книги». Заглянул. Крошечный частный магазинчик, приветливая девушка. Два стеллажа, сверху ватманы-глобусы, возле кассы – россыпь ярких ручек-стёрок. Без надежды повторяю свою историю. Если мне отказал такой большой и солидный государственный магазин, то что ответят эти едва выживающие частники?

– Погодите, – девушка начала кому-то звонить. – Сколько, говорите, детей будет?

– Полсотни.

Девушка снова затараторила в трубку.

– Какое издательство?

– «Звезда».

– Ага, у нас с ними есть договор! Замечательно. Хозяин сказал – возьмём пока штук тридцать. Только вы обязательно скажите детям, что завтра книжку можно будет у нас купить.

– Завтра? Не успеют же привезти.

– Успеют. Он сейчас в столице. Сразу и заберёт.

Выступление прошло шумно и весело. Я старался, шутил, строил из себя клоуна. И, мне кажется, дети хотя бы на час забыли, где они находятся.

А через неделю мне позвонили из частного магазина.

– Приезжайте к нам ещё, – пригласила девушка-продавец. – На следующий же день почти все книги скупили. Потом друзьям, приятелям рассказали. Вы же знаете детей. Если у одного есть, то и другому надо. Третий раз заказываем.

Хотел позвонить в большой государственный магазин, спросить у Светы с Галей, получилось ли что-то, но решил не портить себе настроение. Там, наверняка, не получилось.

Но ведь в маленький частный магазинчик ЛОМАНУЛИСЬ.

Как я был Пушкиным

Иногда мне звонит милая девушка, сотрудник издательства, и выдёргивает на мероприятие в какой-нибудь детской библиотеке или школьном актовом зале.

Приезжаем. Зал полон взволнованной и шумной детворы от шести до девяти лет, по периметру бдят строгие учителя. В центр выходит библиотекарь или кто-то из школьного начальства.

– Здравствуйтесь, дети. Вы, конечно, любите читать?

– Да-а-а, – уныло отвечает поколение планшетов и айфонов.

На задних рядах, кто-то смелый, обычно из самых хулиганистых пацанят отважно тянет:

– Не-е-ет!

Я больше люблю эти задние ряды. Они там хотя бы честные.

– А каких писателей вы знаете? – хитро вопрошает библиотекарь.

И вот тут есть варианты. Если вы в библиотеке имени Пушкина, то робеющая девочка протянет тонкую руку и гордо объявит:

– Я знаю Александра Сергеевича Пушкина!

И всё. На этом скорее всего праздник заканчивается. Изредка кто-то пискнет:

– Носов! Чуковский!

Но гораздо чаще:

– Ну, этот, который про муми-троллей! Я ещё мультик смотрел!

– Про Гарри Поттера пишет!

– Карлсон!

Если вы в библиотеке имени Маршака, то первым обязательно упомянут Самуила Яковлевича. В библиотеке имени Гоголя назовут Николая Васильевича. Но потом всё по сценарию:

– Носов! Успенский!

– Простоквашино!

Но это не страшно. Я в первом классе прочитал «Чингачгука» и гордо козырял знанием Фенимора Купера. А кто написал программную «Каштанку» не помнил напрочь.

– А из современных писателей кого вы знаете? – продолжает пытаться библиотекарь.

Тут дети совсем зависают. Современных писателей они не знают. Точнее, для них все писатели старше тридцати, это уже ровесники Гомера и Шекспира.

Объявляют меня, и я несу в детские массы терновый венец «современного писателя». Ребяшня смеётся, задаёт вопросы. Но в финале история повторяется.

– Дети, – улыбаясь, вопрошает библиотекарь. – Кто к нам сегодня приходил?

И дети хором:

– Марша-а-ак! Пу-у-ушкин!

Приятно чувствовать себя в одном ряду с классиками.

А недавно один из родителей обрадовал.

Сидим с малолетним соавтором в известной американской забегаловке, организмы травим и обсуждаем новый рассказ. Соавтор травится так, что за ушами трещит, больше чавкает, чем в обсуждении участвует. Лучше бы котлету дома так поглощала.

А у кассы стоит серьёзный парень лет шести с папой. Натуральный такой Папа. То есть кило сто пятьдесят, барсетка, жвачка. И от смартфона взгляда не отрывает. Видимо, котировки акций просматривает или мемы на Пикабу. Младшему скучно стоять в очереди, и он разглядывает зал. Увидел меня – заулыбался. Дергает отца за рукав.

– Пап, пап, смотри.

– Угу, – отвечает родитель, не отрываясь от котировок (или мемов).

– Па-а-ап, ну смотри!

Родитель с недовольной миной отрывается от экрана.

– Ну чего тебе?

– Па-а-ап, смотри, вон там сидит писатель! К нам приходил в школу.

Ага, то-то я думаю, что у парнишки лицо знакомое.

– Какой ещё писатель? – фыркает родитель.

– Ну этот... Который про девочку пишет. Я забыл.

Соавтор слышит диалог краем уха и раздувается от гордости. Картонную корону набекрень, лицо салфеткой от кетчупа вытерла – принцесса самая настоящая.

Папа лениво оглядывает меня и, совершенно не стесняясь того, что я слышу каждое слово, выдаёт:

– Что за писатель?

– Я тебе рассказывал. Книжка у него. Про крокодила.

На лице отца отражается мучительная работа мысли.

– Про крокодила? Успенский, что ли?

Блин, неужели я настолько плохо выгляжу?

Под контролем

Как я уже рассказывал, после того как белорусское издательство «Звезда» начало выпуск моих книг из детской серии, меня стали приглашать на выступления в школы и библиотеки.

Каждый раз идёшь – волнуешься. В зале – тридцать, шестьдесят, а то и больше сотни детей. Все разные, всех надо увлечь, заинтересовать. Искренне сочувствую учителям. Я бы не смог так каждый день.

На презентацию обычно приезжает сотрудник издательства с нераспечатанной пачкой книг, тут же продаёт, я ставлю автограф, и очередной счастливый читатель убегает к одноклассникам хвастаться. Одноклассники начинают завидовать и тоже бегут покупать. Кому-то не досталось – слёзы, обиды или гордое «я вообще книг не читаю».

Недавно после презентации подходит один серьёзный товарищ лет семи-восьми и протягивает мне что-то на ладони.

– У меня, – говорит, – сейчас денег нет. Но вот, зуб шатался. Я его шатал, шатал, вырвал, короче. Давайте так – я вам зуб, а вы мне – книжку.

– Зачем, – спрашиваю, – мне твой зуб?

– Вы его под подушку положите, – не дрогнув, ответил малолетний бизнесмен. – Вам фея ночью денежку принесёт.

От зуба я отказался, а книжку подарил просто так, за мужество. Только попросил никому не рассказывать. А то потянутся сейчас бизнесмены с вырванными зубами. Хорошо, если со своими.

В следующий раз перед выступлением библиотекарь решила устроить небольшой конкурс. Мол, предоставить писателю уже «раскачанную» аудиторию. Предложила детям игру. Она выбирает героя сказок с именем из двух слов. Говорит первое, а дети – второе. Кто первый – тот молодец.

И началось.

– Кощей?

Детская многоголосица:

– Бессмертный!

Библиотекарь:

– Иванушка?

Дети:

– Дурачок.

– Чудо?

– Юдо.

– Трусливый?

– Лев!

– Железный?

И тут – хором, с редкостным единодушием:

– Человек!!!

Библиотекарь:

– Я вообще Железного Дровосека загадала, но, видимо, это уже неактуально.

А недавно обрадовали взрослые. Собирался на выступление в одну школу. Дня за три звонят с незнакомого номера. Строгий женский голос. Причём голос такого типа, что я даже привстал и где-то в мозжечке закрутилось тоскливое: «Гушинец, дневник на стол и завтра – родителей к директору!»

– Здравствуйте, вы в пятницу в школе выступаете?

– Да, – говорю. – Кажется, я.

– А не могли бы вы нам предварительно на почту скинуть текст выступления?
– Так нет у меня текста, – отвечаю. – Несколько стартовых тезисов, а дальше – сплошная импровизация.

– М-м, – расстроился голос. – Может, мы с вами заранее согласуем, что вы будете говорить?

– Первый раз с таким сталкиваюсь, – удивился я. – А в чём вопрос-то?

– Понимаете, – не стал сопротивляться голос. – Директор беспокоится, чтоб вы ничего про политику не рассказывали.

– Политику? – ещё больше удивился я. – Детям из второго-третьего класса? Зачем?

– Ну, знаете, бывает всякое, – замялся голос.

– Я же детский писатель, – продолжаю недоумевать. – И никогда не был замечен. По крайней мере с начала двухтысячных – точно.

А сам думаю: «Дожили. Вот не пошёл ты, товарищ, на третьем курсе вовремя на выборы, а Большой Брат всё видит».

– Вы, писатели, – оправдывается голос. – Такой народ. Вечно в оппозиции. А нашему директору лишние проблемы не нужны. Короче, давайте сделаем так. Он к вам на выступление придёт, где-нибудь сзади незаметно сядет и будет контролировать. Если что – не обижайтесь. У нас – дети, сами понимаете. Ответственность.

Я представил, как меня по ступенькам школы волокут мускулистый физрук и немного пьяненький трудовик, на крыльце раскачивают и с позором обрушивают на асфальт.

– За что вы так этого дяденьку? – со слезами спрашивают дети.

– Он агитировал за оппозицию! – грозно и величественно отвечает директор.

Чуть не отказался.

Выступление прошло хорошо. Никаких лозунгов я не выкрикивал, но детям всё равно понравилось. Директор потом подходил, благодарил.

Только я не понял, за что. За выступление или за то, что не пошёл поперёк линии партии.

Подростки

Некоторые думают, что писатель только и делает, что сидит за столом, где-нибудь на даче, попивает чай (или чего покрепче), ждёт музу в прозрачном пенюаре и с крылышками. И на этом его функция заканчивается.

Возможно, во времена Пришвина и Бунина так и происходило. Был дубовый стол, чернильница, самовар и вдохновение. Неспешное описание падающего листа страниц на двадцать. Или хмурое небо Аустерлица абзацев на пятьдесят. Пока идёт это описание, несчастный князь Болконский скорее почки застудит на холодной земле, чем погибнет от ранения.

Куда им, Пришвиным да Толстым, было торопиться. Самовар остынет, так Палашка, дворовая девка, новый принесёт. Муза из Палашки так себе, и вместо прозрачного пенюара крестьянский сарафан да лапти. Но чай неплох, да, да чай у Палашки совсем неплох.

Но в двадцать первом веке мало написать книгу, её надо продвинуть и продать. И этим нынче тоже занимается писатель.

Мой приятель, талантливый детский автор, жаловался:

– Это просто какой-то ужас! Я же боюсь всех этих встреч! Они на тебя смотрят, слушают. А надо что-то толковое говорить. А если я чепуху скажу, а они потом родителям пожалуются, что дядя дурак!

Искренне его жаль. Тридцать лет человек горя не знал, жил в своём интровертном мире, даже работу выбрал с железом, чтоб не видеть людей. А потом угораздило его написать неплохую книгу, поэтому приходится теперь минимум раз в месяц встречаться с людьми. Более того – с детьми. Страдает. Никак привыкнуть не может.

Мне проще. Я и на работе постоянно среди людей, и полсотни дошколят легко уболтаю. И встречи с читателями для меня в основном в удовольствие. Но бывают разные случаи.

* * *

Подростки – самая тяжёлая аудитория. С детьми класса до пятого легче всего. Ты пошутил – они посмеялись. Рассказал историю поинтереснее и желательнее, чтобы про героя их возраста. И они слушают, развесив уши. После десятой-пятнадцатой встречи, как заправский артист разговорного жанра, я выработал сценарий выступления перед детским коллективом и, в принципе, уже знал, в каком месте будут смеяться. Делал паузы в нужных местах, короче, «раскачивал» аудиторию.

Со взрослыми тоже всё понятно. Даже если не получилось – из вежливости промолчат и похлопают.

С подростками же не знаешь, чего ожидать. Даже если им интересно, то посмотрят на заводил из класса – и будут сидеть с кислыми физиономиями. А заводилам тоже может быть интересно, но они будут сидеть с кислыми физиономиями просто так, из чувства внутреннего протеста или боязни лица потерять. Они же крутые. Они таких писателей видали, сами знаете где.

И распинаешься, как клоун, перед молчаливой враждебной аудиторией.

Приехал как-то накануне 9 мая на выступление в школу, а мне уже на пороге говорят:

– Вы нас извините, но почти вся параллель десятых классов ушла на бесплатный просмотр нового фильма про войну. Мы для вас оставили один класс. Это лицеисты. Хорошие дети. Правда, они тоже хотели на фильм, но ведь встреча с писателем важнее.

И тут я понял, что попал. Захожу в класс и вижу три десятка враждебных лиц. Если бы взглядом можно было убивать, я бы в тот день точно свалился с каким-нибудь инфарктом.

– Здравствуйтесь, ребята, – говорю.

Молчание. Слышно, как в оконное стекло бьётся ранняя муха, а за стеной с девятым «Б» бьётся несчастная физичка.

Классный руководитель рядом со мной бледнеет, мрачнеет и грозно вопрошает:

– Ребята, чего молчим? Иванова? И ты тоже?

Несчастливая Иванова, видимо, отличница и активистка, в тоске опускает голову. Её разрывают противоречивые чувства. С одной стороны, она привыкла быть хорошей в глазах учителя, с другой – её же потом одноклассники затюкают.

– Гриша, а ты?! – продолжает совестить старшекласников учительница. – От тебя я точно не ожидала.

Гриша – два метра костей в болтающейся школьной форме – смотрит с вызовом. Надо прекращать этот педагогический цирк, а то в меня сейчас стулья полетят.

– Ребята, – говорю. – Понимаю, что из меня получается плохая замена фильму, поэтому заранее прошу извинить. Обещаю, что постараюсь быть интересным. А если не получится, то буду максимально краток. Потерпите минут двадцать.

И начал рассказывать. Минут через десять некоторые оттаяли, но вида не подали. Поглядывали на остальных и вновь каменели лицами. В ответ на мои шутки изредка проскакивали кривые улыбки. Каждую я воспринимал, как личную победу. Под конец выступления мне из вежливости поаплодировали – и я ушёл. Ещё через три дня в одну из социальных сетей мне написала девочка из того класса:

– Спасибо, было очень интересно.

И ещё один парень из этой школы поставил «лайки» под рассказами.

Хоть кого-то зацепил. Уже хорошо.

А месяца через два приезжаю на встречу в небольшую районную библиотеку.

– Павел Владимирович, – радостно говорят мне. – А у вас после выступления ещё будет время?

– Я, в принципе, не тороплюсь, – отвечаю.

– Замечательно. Вы же не только детский, но и взрослый писатель. Вот мы и позвали на встречу группу из училища.

– Из музыкального? – с надеждой спрашиваю я.

– Зачем из музыкального? Из строительного, – наивно отвечает библиотекарь. – Хорошие ребята.

Опять хорошие ребята. Опять я попал.

Уходят смеющиеся третьеклашки, а на их места плюхается десятка два типичных гопников. Вот-вот семки из карманов достанут и лузгать начнут. Все в спортивных штанах, смотрят с вызовом, мол «Ну, дядя, давай распрягай нам о том, как корабли бороздят просторы Большого Театра».

Не на того напали. Юность моя прошла в подъездах небольшого заводского городка. А в молодости я был офицером в одной не слишком парадной части. Сейчас я вам устрою.

– Здравствуйте, уважаемые читатели.

– Э-э, читатели, гы-гы, слышали, пацаны? – голос с заднего ряда.

Ага, вот там притаился главный. Плечистый парень с плоским носом. Все на него посмотрели и чуть не хором повторили:

– Гы-гы.

И тут я перешёл с языка Пришвина на язык улиц. Непечатные слова, конечно, пропускал, дабы благообразная библиотекарша в обморок не упала. Но о своих книгах рассказывал, как когда-то травил байки пацанам из подъезда сто сорок третьего дома по улице Молодёжной. Сидели мы тогда на спинках скамеек, потягивали недорогое плодово-выгодное. И послушать меня приходили из соседних дворов. Тряхнём стариной.

В библиотеке обращался я не ко всей аудитории, а выбрал в качестве жертвы именно «главного». Тот крепился, крепился, а потом как заржёт на весь читальный зал.

– Пацаны, дядя в теме!

И пацанов сразу отпустило. Ершистые гопники превратились в обычных ребят. Смеялись в нужных местах, засыпали вопросами об армии, медицине, даже о войне. Устроили мне в конце небольшие овации.

А ты, товарищ Макаренко, думал, что один так умеешь? Выкуси.

А зимой приезжаю в районный город, на малую родину. В библиотеке говорят:

– Павел Владимирович, мы встречу подготовили со старшеклассниками. Будет человек сто, не меньше.

– Не страшно, – отвечаю. – Насмешим, очаруем. Не в первый раз.

– Нет, – говорят мне. – У нас тут 75 лет Победы скоро. Надо про ваши военные книги поведать.

И тут опять тоска меня взяла. Не умею я о серьёзных вещах подросткам рассказывать. Всё мне кажется, что не поймут, не оценят, не донесу. Яждоктор, а не историк.

А в зале полно народа. И на стенде за моей спиной плакаты. И на стеллаже – книги в серой обложке, чёрно-белые военные фотографии. Надо рассказывать.

И я начал рассказывать. Без шуток, без улыбки. Не надеясь на успех встречи. Про лагерь Красный Берег. Про оккупацию, про огонь над деревней Ловша, про расстрел Воложинского гетто. Минут через пять, смотрю, а девчонки в первых рядах уже режут в три ручья. Пацаны, которые в начале хохмили, притихли и слушают.

И тут меня тоже зацепило. Даже горло на секунду перехватило, голос пропал. Как-то я остро почувствовал, что достучался до этих ребят. А значит, не всё в нашем будущем потеряно. Будут помнить и будут читать. А значит, не зря я написал свою «военную» серию.

Не боюсь теперь подростковой аудитории.

Писатель и редакторы

В позапрошлом году я решил, что надо попробовать себя в роли детского писателя и совместно с подрастающим поколением создал небольшой сборничек для младшего школьного возраста.

Подрастающее поколение с ехидцей посмотрело на текст и заявило:

– Ну ладно, сгодится.

Понёс книгу редактору.

– Ой, как интересно, – говорят. – Очень неожиданно вас в такой роли видеть.

– Да я и сам не ожидал, – отвечаю. – Будете брать?

– Сначала надо прочитать, потом решим, – ответил редактор.

Я дрожащей рукой положил на стол распечатанные листки и ушёл с бьющимся сердцем.

Надо же, никак привыкнуть не могу. Но это же хорошо, наверное?

Через несколько дней звонят:

– Павел Владимирович, надо немножко подкорректировать.

– Я готов, высылайте файл.

Выслали. Открываю, а там всё красным выделено и перечеркнуто. Даже обидно.

– Уберите, – говорят. – Этот ужас.

– Какой из ужасов? – хмурюсь я. – Книга вообще-то про детские страхи. Там должны быть ужасы и кошмары.

– На третьей странице у вас про логопеда.

Открываю третью страницу, а там небольшая смешная сценка. Папа привёл дочь к логопеду, после знакомства дарит этой чудесной даме коробку конфет, а наутро у логопеда недовольный вид. Девочка думает, что «тётя» сразу все конфеты съела, поэтому ночью живот болел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.